Яан Раннап

Агу Сихвка говорит правду

(Объяснительная записка ученика 6-го класса пионера Агу Сихвка заведующему учебной мастерской)

КАК МЫ ПЫТАЛИСЬ ЗАВЕСТИ ШКОЛЬНЫЙ ГРУЗОВИК

Чтобы рассказать все честно, как оно было на самом деле, я должен начать с того дня, когда мы узнали, что наш новичок Март Обукакк умеет жужжать, точь-в-точь как овод. Мы стали ломать голову, как бы использовать на практике его удивительную способность.

— Засадим Обукакка на урок истории в шкаф для наглядных пособий, пускай там жужжит, — предложил ученик Топп.

Но шкаф был битком набит пособиями, и это предложение не подошло.

Виктор Каур сказал: — Посадим его на пожарную лестницу, пускай жужжит снаружи, под окном.

Но Март Обукакк не захотел влезать на лестницу.

Больше было негде спрятаться, и Юхан Кийлике объявил, что ничего не попишешь, придется оводу жужжать в открытую. Но пусть Обукакк не беспокоится, вопросы безопасности он, Кийлике, берет на себя.

В этот день директор находился в школе, поэтому Кийлике разумно предложил перенести жужжание на другой день. Назавтра директор уехал в столицу нашей республики, а классный руководитель, учитель Пюкк, повел младшие классы на учебную экскурсию, и Кийлике сказал, что настал момент — теперь или никогда!

Мы открыли окна настежь. Начинался урок истории. Когда учительница Пугал вошла в класс и стала прикидывать, кого бы вызвать к доске, Март Обукакк приступил к жужжанию. Мы помогали ему по методу «массового психоза» — этому нас научил Кийлике. Сначала весь класс смотрел на вентиляционную решетку над доской. Потом — на тряпку для вытирания доски. Потом — на третью электролампочку в первом ряду от стены. В общем, все по точному плану.

Кийлике заранее заставил нас записать карандашом на крышках парт, куда и в каком порядке смотреть, и «массовый психоз» проходил без сучка и задоринки.

Учительница Пугал никак не могла понять, отчего это она не видит овода, за которым так старательно следит весь класс. Но когда надо было смотреть на черное пятно на задней стене класса, Виктор Каур проявил безответственность, он понадеялся на свою память, все перепутал и

уставился на грязное пятно на передней стенке. А следом за Кауром то же самое сделал ученик Топп. Это сбило с толку и остальных, и скоро уже никто не знал, куда именно надо смотреть.

Вот тут-то учительница Пугал и сообразила в чем дело. Она ужасно рассердилась, сказала, что виновники ей заранее известны, и выставила за двери меня, Кийлике и Каура.

Это была вопиющая несправедливость, ведь жужжал, как я уже объяснил, новичок Март Обукакк.

Вначале мы стояли в коридоре, но Каур сказал, что стоять можно распрекрасным образом и во дворе, свежий воздух полезен для легких.

Во дворе было хорошо, спокойно. Только белая курица истопника кудахтала на кабине школьного автомобиля. И нас заинтересовало, с чего бы ей там кудахтать? Не снесла ли она яйцо на сиденье водителя? Мы решили это выяснить.

На водительском сиденье не было яйца. Там лежал только ключ от зажигания. И мы очень забеспокоились, как бы из-за этого не вышло какой неприятности для школы. Я сказал:

— Правила дорожного движения запрещают оставлять ключ от зажигания где попало.

Каур меня поддержал:

— Шоферу за это влетит.

— Окажись тут какой-нибудь жулик, наш автомобиль мчался бы уже по дороге к Пскову, — добавил Кийлике.

Ради сохранения безопасности мы решили взять ключ и отнести его в школьную канцелярию. Но когда я хотел сделать это, Юхан Кийлике сказал, что вначале надо бы посмотреть, заведется или нет машина, просто ради интереса.

И он быстренько юркнул в кабину, чтобы включить стартер.

Вот тут-то и выяснилось, что машина не заводится. Мы, конечно, захотели узнать, что с нею стряслось, и подняли капот.

Кийлике сказал:

— Я слышал, неполадки чаще всего случаются в распределителе. — И Юхан Кийлике снял с распределителя крышку.

Каур возразил:

— А мне доводилось слышать, что в машинах чаще всего барахлит карбюратор. — И начал отвинчивать какие-то гайки.

Я не сказал ни слова, мне было не до того, я занялся проверкой всяких трубочек и шлангов, чтобы выяснить, как дела с бензином.

Но автомобиль все равно не заводился, и мы поняли, что старались

напрасно.

Значит, загвоздка в чем-то другом, но поди догадайся, в чем именно! Мы уже хотели отойти от машины. Но в этот момент Каур сказал:

— Еще есть одно средство! Придется применить принудительный завод!

И Каур рассказал нам о зоотехнике из своего колхоза. Когда мотоцикл у него не заводится, зоотехник бежит по дороге и толкает мотоцикл перед собой до тех пор, пока мотор не затарахтит. А бежит зоотехник всегда по дороге в сторону колхозной фермы.

Если мотоцикл все-таки не заведется, то хоть до работы меньше идти останется.

Я не очень-то поверил рассказу Каура и возразил:

— С мотоциклом, может, и так. А с автомобилем не побежишь, — силы не хватит. Хорошо, если мы вообще сможем стронуть его с места.

Кийлике почесал себе затылок и сказал, что с машиной бежать и незачем. Если дотолкать машину до котельной, то дальше она и сама покатится, — от котельной садовая дорожка идет под уклон. И тогда сразу будет ясно, врет или не врет Каур.

Семь раз отмерь, один раз отрежь — учит нас народная пословица, и это чистая правда.

Теперь-то я прекрасно понимаю: сначала надо все хорошенько взвесить и только потом приступать к делу.

Но в тот момент я об этом нисколько не думал. А Кийлике с Кауром и того меньше, потому что они-то как раз и толкали машину к котельной, а я всего-навсего сидел на водительском месте и крутил рулевое колесо.

Когда же автомобиль покатился под горку, я конечно сразу подумал, а что будет, если он разовьет очень большую скорость? И само собой разумеется, решил, что мне надо будет быстро нажать на тормоз.

Так оно и произошло, и я хотел затормозить, но педаль тормоза под моей ногой без всякого сопротивления утопилась, — это может подтвердить Кийлике, он стоял на подножке.

Я схватился за ручной тормоз, но у него сразу отвалилась ручка, — Каур отвинтил от нее гайку, чтобы поставить на карбюратор, там одной гайки не хватало.

Наш классный руководитель учитель Пюкк рассказывал нам, что человеческий мозг в критические минуты жизни работает с удесятеренной быстротой. И это чистая правда. Как только автомобиль помчался между опытными грядками, в голову мне ударила мысль, что его, пожалуй, можно бы остановить, если съехать с садовой дорожки так, чтобы передние колеса

оказались по одну, а задние по другую сторону огуречной грядки. Но Кийлике разгадал мой план и заорал страшным голосом:

— Влево нельзя! Влево нельзя! Мы вчера там рыхлили! — И потянул руль вправо, чтобы заставить меня использовать для торможения грядку с редисом, — работа по борьбе с сорняками там еще не проводилась.

Но пока мы боролись, обе грядки промелькнули мимо, впереди оставались только две возможности: или посадки крыжовника, или пруд, где брали воду для полива. И я выбрал крыжовник. Потому что я не знал глубины пруда, а человек в нашем обществе — самая большая ценность и звучит гордо.

Ну вот, я теперь честно рассказал, как оно было на самом деле. И никакой нашей вины тут нет, мы просто хотели проверить, заведется или не заведется машина.

В правилах дорожного движения сказано, что ключ от зажигания нельзя забывать в автомобиле, и это чистая правда. Где халатность, там и несчастье!

А ту штуку, которая крутится под коробкой распределителя, мы отыскали.

Кийлике позабыл ее у себя в кармане.

КАК Я СЛОМАЛ ШКОЛЬНЫЙ МАГНИТОФОН

(Объяснительная записка пионера Агу Сихвка директору школы)

Чтобы объяснить, как все произошло на самом деле, я должен начать с того урока литературы, когда учительница рассказывала нам о Пушкине и о том, как Онегин застрелил Ленского. Он сделал это на дуэли с расстояния двадцати пяти шагов.

После урока литературы у нас был урок труда, мы убирали на школьном огороде корнеплоды. Юхан Кийлике подошел ко мне и заблеял:

— Ме-е, ме-е, ме-е!

Этим он меня оскорбил. И я под влиянием рассказа учительницы по литературе схватил рукавицу Виктора Каура, потому что своей у меня не было, и бросил ее в Кийлике.

Ученик Топп вызвался быть моим секундантом и отмерил двадцать пять шагов. А Виктор Каур стал секундантом Юхана Кийлике и принес нам обоим по помидору.

На поединке или дуэли у противников должно быть одинаковое оружие, это известно каждому, но Каур дал мне зеленый помидор, а Юхану Кийлике — гнилой. Поэтому я не смог стоять во весь рост до конца дуэли и в нужный момент бросился плашмя на землю. Гнилой помидор Кийлике пролетел надо мною и шмякнулся прямехонько об живот нашего классного руководителя, учителя Пюкка, — в эту секунду он подошел к нам посмотреть, как идет работа.

Классный руководитель очень рассердился, потому что на пальто осталось пятно и еще потому, что это нехорошо — швыряться продуктами питания. Меня и Кийлике отправили в школьную канцелярию и заставили там стоять. И это было несправедливо. Ведь гнилой помидор отыскал Каур, а бросил Кийлике — при чем же тут я?!

Вначале мы стояли возле дверей канцелярии, но когда счетовода товарища Мятас вызвали взвесить мясо для нашей интернатской столовой и в канцелярии никого, кроме нас, не осталось, Юхан Кийлике переместился поближе к полке, где лежали иллюстрированные журналы. Я

сделал то же самое.

Вот тут-то Кийлике и заметил статью до того интересную, что у нас даже дух захватило. В статье говорилось, что любой незнакомый язык можно без всякого труда выучить во время сна. Надо только записать слова и всякие склонения на магнитофонную ленту и ночью, пока спишь, несколько раз ее прокрутить.

Мы прочли статью два раза подряд. Кийлике возмутился:

— Видал историю! Почему нам ничего об этом не сказали?

Я предположил:

— Может быть, еще не успели.

Но Кийлике не поверил и сказал:

— Нам этого просто-напросто не хотят говорить. Если все начнут во сне без всякого труда изучать языки, учительница английского языка останется без работы. И учительница русского языка тоже. Куда же они тогда денутся, а?

Настоящий пионер не должен желать людям зла, поэтому мы с Кийлике решили никому не рассказывать о новом способе обучения. Но Кийлике слова своего не сдержал. Мне это вскоре стало ясно. Вечером, когда я вернулся после катания на лыжах, в комнате стоял гвалт — ребята рассуждали, где бы раздобыть магнитофон. А Виктор Каур предлагал всем купить у него за пятнадцать копеек учебник по английскому языку, но это, конечно, была шутка.

Я очень рассердился на Кийлике за то, что он выболтал нашу общую тайну без меня. Я сказал:

— Теперь я вижу, как некоторые выполняют свои обещания! Грош цена твоему честному слову! А ты подумал, что будет с учительницей английского языка?

Кийлике возразил:

— С учительницей ничего не случится. Нам вовсе незачем выучивать английский язык сразу до самого конца. Мы станем учить во сне только то, что задано на завтра. А это повысит процент успеваемости в школе, только и всего.

Против высокого процента успеваемости выступать нельзя.

И я вместе со всеми стал думать, где достать магнитофон. Вот тут-то мы и вспомнили о магнитофоне, который хранится в шкафу кабинета языков. Да еще с лентами, где записаны отрывки для чтения по английскому языку на целое полугодие. И еще отдельно незнакомые слова из каждого отрывка. Учительница по английскому языку во время уроков заставляет нас слушать эти записи, чтобы мы лучше усваивали

произношение. Мы посовещались, быстренько составили план действий. Перво-наперво посмотрели, нет ли кого в коридоре.

И отправились в кабинет языков, выяснить, хорошо ли заперта дверца шкафа.

Разумеется, мы сделали это тайком, чтобы не нарушать тишины в интернате.

Дверца шкафа была заперта на совесть, но Кийлике сказал, что он сын слесаря и внук взломщика, и если немного заглушить голос его совести, то открыть дверцу для него, Кийлике, плевое дело. Мы стали заглушать голос совести Юхана Кийлике.

— Мы же не воровать идем. Только одолжим нужную вещь ненадолго, — сказал ученик Каур.

— Технику надо использовать с толком, — добавил я.

— Никто никогда не запрещал пользоваться учебными пособиями для учебы — убеждал Юхана Кийлике Каур.

И так далее.

А ученик Топп, который в это время смотрел в окошко, сказал, что вообще-то можно было бы попросить разрешения у воспитателя Рехеметса, чтобы взять магнитофон, но — видите, видите, видите! — именно в эту минуту воспитатель Рехеметс шагает с сеткой в руках в сторону магазина. После сообщения Топпа голос совести Юхана Кийлике окончательно заглох, и Кийлике вытащил из нагрудного кармана гвоздь с загнутым концом.

Бумагу надо экономить, поэтому я не стану описывать, как мы перетаскивали магнитофон в спальню, — мы просто-напросто пронесли его под полою, — а сразу перейду к описанию времени ночного покоя. Ночной покой, как всем известно, по внутреннему распорядку интерната начинается в двадцать два часа тридцать минут.

Когда воспитатель Рехеметс заглянул в нашу комнату, он увидел, что все мальчики спят глубоким сном, но как только дверь за ним закрылась, мы все до одного вскочили с кроватей. Юхан Кийлике взял пять спичек и отошел в угол комнаты. Потом крикнул:

— Жеребьевка-мышеловка! Кто вытянет спичку с головкой, во сне проходит подготовку! — И велел нам тянуть жребий.

Я тянул первым, мне сразу попалась обломанная спичка, поэтому остальные ребята и тянуть не стали. По уговору, дежурил тот, кому попадется спичка без головки, — он должен будет ночь напролет включать и выключать магнитофон. Все, кроме меня, хором сказали: «Кому не везет в игре, повезет в любви» — и юркнули назад в свои кровати. Эти слова

относились ко мне, но были слабым утешением.

Через некоторое время, когда ноги Топпа уже просунулись между прутьями спинки кровати, когда Каур закусил зубами угол подушки и Кийлике сонно произнес: «Ученье свет, а неученье тьма», я включил магнитофон.

Женский голос все снова и снова на разные лады повторял фразу «Lesson twenty three» и всякие незнакомые слова… Вскоре заснул и Кийлике. Только тут я начал понимать, в какую я влип историю. Что будет, если завтра учительница по английскому языку вызовет меня к доске? Ведь я не смогу ничего ответить, — вечером в отведенное для занятий время я не выучил ни одного нового слова, понадеялся на метод обучения во сне.

Наш классный руководитель учитель Пюкк не раз говорил нам, что в трудную минуту мозг человека начинает работать с удесятеренной быстротой, — точно так случилось и со мною. Мысли у меня в голове так и замелькали, и мне стало ясно: спасти мою успеваемость — а значит, и среднюю успеваемость класса! — можно только одним способом. Я должен выучить урок, как и все остальные ребята — во сне.

Решение было принято. Я взял куртку Юхана Кийлике, вытащил из нагрудного кармана гвоздь с загнутым концом и пошел проверить, не откроет ли он и дверь кабинета физики. Мне нужно было кое-что там взять, чтобы наладить автоматическое включение и выключение магнитофона. Гвоздь открыл дверь кабинета физики, и я принес в нашу спальню электромагнит, провода, мешочек с дробью и ту машину, которая при вращении вырабатывает электричество.

Теперь надо сообразить, как приладить к магнитофону автоматический выключатель, но Кийлике храпел, и его храп мешал мне думать. Тут в голову мне пришла интересная мысль: нельзя ли прекратить этот храп с помощью электромашины? Я присоединил провода к пальцам ног Юхана Кийлике и крутанул для пробы ручку. Это был необдуманный шаг, — Кийлике так дернулся, что качнулась тумбочка возле кровати. На тумбочке стоял мешочек с дробью, он перевернулся, и дробь посыпалась — не куда-нибудь, а прямехонько на магнитофон.

Народная мудрость предупреждает, что горе входит в дом без стука. И это чистая правда!

Перед тем как лечь спать, Виктор Каур изучал магнитофон и снял с него крышку, и теперь дробь просыпалась внутрь аппарата. Вытаскивать дробь рукой было трудно, и я подумал: а не поможет ли мне электромагнит? Так я и сделал. Я долго держал электромагнит в магнитофоне, все ждал, когда он притянет к себе дробинки, но вместо этого магнит уничтожил чуть ли не

все записи английских текстов — а их было двадцать! — и новые слова тоже. Все эти слова и фразы были записаны на ленту под диктовку одной ученой женщины, которая долго жила в Англии.

Ну вот, я и рассказал все, как оно было. А учительница английского языка говорит, что это — преднамеренное злодеяние. Она так и написала в мой дневник, потому что не захотела выслушать, как все на самом деле случилось.

Преднамеренно поступил Юхан Кийлике: он коварно отломил головки у всех четырех спичек, мы потом это узнали. А у меня никакой преднамеренности и в мыслях не было. Это могут подтвердить пионеры Каур и Топп. Если бы я заранее знал, как подействует электромагнит на ленту с записями, я бы вытащил из магнитофона все до одной дробинки рукою.

ПОЧЕМУ Я ПО УТРАМ ОПАЗДЫВАЮ В ШКОЛУ

(Объяснительная записка Агу Сихвки классной руководительнице)

Чтобы рассказать все честно, как есть, я должен начать с того, что наш колхозный механик Вальдемар Кару изобрел самодействующий насос питьевой воды для стада. Это произошло летом нынешнего года в сарае Вальдемара Кару.

Насос Вальдемара Кару абсолютно оригинальный, потому что, если другие насосы приводит в движение электричество, ветер или сам человек, то этот насос качает воду под действием тяжести самой коровы. Для чего она должна взойти на специальную платформу.

До тех пор механик Вальдемар Кару изобретал главным образом небольшие вещи, вроде самовращающегося ежика для мойки бутылок, который подходит к бутылкам любой величины, если только помещается в них. Или особой пилки для ногтей, которая может служить рожком для надевания обуви. Поскольку за все прежние изобретения Вальдемар Кару получал по пять рублей премии, Кийлике был уверен, что так будет и с самодействующим насосом. Ибо, как всем известно, и мы это проходили в школе, в нашей стране каждый получает по своему труду, о чем мы и сказали Вальдемару Кару.

Но тут мы ошиблись, потому что механик Вальдемар Кару радостно отправился в столицу республики, чтобы получить премию и изобретательское свидетельство, а вернулся нерадостный, не получив изобретательского свидетельства, не говоря уже о денежной премии.

Мне и Кийлике тоже это показалось весьма странным. Как всем известно, техника сейчас совершает революцию, и повсюду надо изобретать именно такие машины, которые работают сами. Кийлике сказал:

— Разве же они там не поняли, что самодействующий насос экономит провода и электроэнергию? — Под этим он подразумевал, что насос Кару не требует тока и строительства электролиний.

Я сказал:

— Неужели они там не поняли, что самодействующий насос сберегает и

воду? — Под этим я подразумевал, что тощая корова, которая мало весит и мало пьет, накачает и воды меньше, чем толстая корова, которая весит больше и хочет больше воды.

А вместе мы сказали:

— Послушай, Вальдемар Кару! Может быть, этот насос у тебя вообще не работал?

Но колхозный механик Вальдемар Кару замахал руками — нет, нет, нет, вы что, насос работает превосходно! И он подтвердил это сообщением, что когда там, в городе, шесть человек, общий вес которых можно считать равным одной условной корове, взобрались на платформу, то самодействующий насос накачал столько воды, что ее хватило бы и условной, и взаправдашней корове.

Теперь я, пожалуй, подошел к тому, с чего все же было бы вернее начать. Как выяснилось из рассказа колхозного механика Вальдемара Кару, он вернулся без премии и изобретательского свидетельства только потому, что, изобретя самодействующий насос, он не изобрел, как объяснить коровам, что, когда хочешь пить, надо взойти на платформу.

Пионер не боится трудностей, как поется в песне и написано на лозунге, что висит в коридоре, и я шепнул Кийлике:

— Послушай, Кийлике, у меня возникла идея. А Кийлике шепнул в ответ:

— У меня тоже идея.

Затем выяснилось, что это была одна и та же идея, а именно: мы решили помочь колхозному механику преодолеть возникшие трудности.

После этого мы пошли ко мне домой и обсудили все детально.

Я сказал:

— Чему в молодости не выучишься, того в старости не узнаешь. Обучим сначала телят пользоваться насосом. А Кийлике в ответ:

— Дело в шляпе. У вас как раз две телки. Так как механик Вальдемар Кару своим насосом больше не интересовался, потому что уже работал над новым изобретением, мы погрузили платформу на тачку и привезли к телятам для ознакомления. А на следующий день, возвращаясь из школы и проходя мимо поля, где росла репа, прихватили с собой несколько репок, чтобы использовать их в случае необходимости. Кийлике сказал:

— Как всем известно, животные не понимают словесных объяснений, поэтому я выдумал такой план: ты заманишь телку на платформу, а я сразу же дам ей репу. Тогда телка подумает, что взбираться на самодействующую поилку хорошо, и в дальнейшем будет лазить на платформу даже безо всякой репы. И если дело так пойдет, то вскоре у нее выработается

привычка, которую мы сможем назвать рефлексом Кийлике.

Мне слова Кийлике не понравились.

— Это почему же рефлекс Кийлике? — спросил я. — С таким же и даже большим успехом это может быть рефлекс Сихвки. Телки-то наши. Но, как написано в зоологии, все-таки правильнее будет назвать это рефлексом Павлова, потому что он провел такие опыты раньше нас.

Но Кийлике стал возражать:

— Рефлексы Павлова — у собак или рыб. С телками Павлов никогда не экспериментировал. В тяжких условиях царского режима у него и не могло быть такой большой лаборатории, в которой поместились бы телки.

Умный уступает — говорит старинная пословица, поэтому я не стал больше спорить с Кийлике. К тому же мы пришли к соглашению назвать рефлекс «рефлексом Сихвки-Кийлике». Однако, когда мы приступили к самой работе и я хотел заманить телку по кличке Мери на платформу, из этого ничего не вышло, потому что телка выхватила у меня репу из рук. Взяв другую репу, я бросился бежать к платформе, но телка, как и следовало ждать от животного, тут же догнала меня и слопала вторую тоже.

После двух неудачных попыток мое настроение упало. Потому что Кийлике смеялся, а впридачу ко всему я еще вляпался в нечто такое, чего на выпасе хватает с избытком. Я сказал:

— Больше я в этом не участвую. Пойдем, отвезем платформу назад в сарай к Кару.

Но Кийлике и слышать об этом не хотел, он сказал, что всякое начало бывает трудным и что, может быть, нам больше повезет, если мы сначала накормим телок.

Тогда мы взяли тачку и отправились снова на поле за репой. И так несколько дней подряд. И телки, Мери и Мусти, лопали репу что было сил, иногда занимались этим даже стоя на платформе.

«Мы не знаем наперед, как нам в жизни повезет…» — поют иногда по радио, а также гости заведующего маслобойней, и это действительно так. Разве могли мы знать наперед, что репа приучит Мери и Мусти не взбираться на платформу, а ходить следом за мной и Кийлике!

Теперь я и подошел к тому, почему я третий день подряд опаздываю. И это вовсе не от того, что я ленюсь или долго сплю. Виноваты телки по кличке Мери и Мусти, которые, увидев, как я утром иду в школу, перепрыгивают через проволочную ограду выгона и выказывают настойчивое желание идти со мной.

Как известно из книги Оскара Лутса «Весна», уже у Тоотса были неприятности, когда он принес в школу щенка. Стоит ли говорить, что

было бы, если б я явился на урок математики в сопровождении телок Мери и Мусти. У скотины и разум скотский, говорит бухгалтер Мятас, и он совершенно прав. Мне не удалось объяснить Мери и Мусти, что в школе не лакомятся репой, а изучают математику, где лишь проценты и дроби, и еще учат английский язык, где все пишется по-одному, а произносится по-другому.

«Не становись изобретателем!» — сказал колхозный механик Вальдемар Кару, когда у него не приняли самодействующий аппарат для подковки лошадей. А я еще добавлю, что не становись и помощником изобретателя. Особенно, когда у тебя такой приятель, как Кийлике, который для того, чтобы телки его теперь не узнавали, ходит мимо нашего выпаса, надев длинное пальто брата.

ПОЧЕМУ Я НЕ ПОБЫВАЛ В БАШНЕ КИК И КиК [1]

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того камня с дыркой, который я нашел, когда председатель совета отряда Сильви Куллеркупп вывесила в школьном коридоре лозунг: «Кто посадил дерево, тот прожил жизнь не напрасно» и велела всем принести из леса по дереву — клен, ясень или дуб.

Камень был найден на Лисьей горе, откуда мы приносили деревья для посадки, и сразу привлек к себе внимание благодаря красивой круглой дырке.

Топп сказал:

— Если сквозь эту дырку продеть веревку, этим камнем можно упражняться в метании молота. Каур сказал:

— Если отправиться жить в Африку, то такой камень можно надеть на шею. А Кийлике сказал:

— Теперь Сихвка опять может завести бабушкины часы. — При этом он имел в виду, что камень с дыркой вполне может заменить свинцовую гирю, которую я в ночь под Новый год расплавил для гадания.

Но тут Кийлике допустил ошибку, потому что, когда учитель истории товарищ Пюгал увидел мою находку, он пришел в страшное волнение, сказал, что заговорили ушедшие в забытье тысячелетия, и изумился, как это я не понял, что имею дело с топором каменного века.

Поскольку отметки по истории еще не были выставлены, Кийлике, Топп и Каур сразу сообразили, что из топора можно извлечь пользу.

Топп сказал:

— На самом деле я сразу понял, что это настоящий каменный топор каменного века. Я хотел сказать ребятам, что им можно упражняться в метании топора, но оговорился.

Кийлике сказал:

— И я тоже сразу распознал орудие каменного века. Только я с первого взгляда не понял, это каменный топор для тесания или каменный топор для рубки деревьев.

А Каур:

— Меня все-таки немного сбило с толку, что у него нет топорища.

И все они лезли под руку к учителю товарищу Пюгалу оттеснив меня совсем в сторону.

Мне это не понравилось, и я сказал:

— Интересно получается! Если вы все такие большие знатоки каменного века, почему же вы сами не откопали какой-нибудь каменный топор? Этот, во всяком случае, нашел я.

И на сей раз правда восторжествовала, потому что учитель подтвердил:

— Правда, Сихвка. Ты, ты. Так я и сообщу в исторический музей.

Теперь я и подошел к тому, с чего, собственно говоря, и следовало начать: за удивительную находку меня премировали бесплатной учебной поездкой в Таллин и еще тремя рублями на расходы. И Кийлике тоже, потому что он помогал мне выкапывать то дерево, под которым мы обнаружили каменный топор.

Когда мы ехали в поезде, учитель, товарищ Пюгал, пообещал, во-первых, сводить нас в исторический музей, где представлена богатая экспозиция недалекого прошлого. А потом в орудийную башню Кик и Кек, где представлена богатая экспозиция далекого прошлого. И если останется время, то еще в чешский луна-парк, где, правда, нет ни экспозиций, ни прошлого, но зато есть карусель и кривые зеркала. Но когда поезд прибыл в Таллин, учитель вспомнил, что у него имеется несколько неотложных дел, и сказал:

— Самостоятельно ходить по музеям гораздо интереснее, чем под руководством учителя. — И велел нам быть в восемь часов вечера на вокзале.

Когда учитель уехал на такси, я сказал Кийлике:

— Делу время, потехе час. Поскольку мы обязаны поездке в Таллин и трем рублям именно древней истории, пойдем прежде всего в орудийную башню.

Но Кийлике возразил:

— Я думаю, что прежде нам следует сходить в луна-парк. — И пояснил, что, как писали в газетах, луна-парк скоро уедет, а опасаться, что подобное может случиться с башней Кик и Кек, не приходится.

И мы пошли в луна-парк, где, как выяснилось, имелись не только карусель и кривые зеркала, но и тир, кегли, маленькая железная дорога и автомобили, которые может водить каждый.

Возле карусели, где высоко на цепях висели креслица, Кийлике закинул голову вверх и спросил:

— А знаешь ли, Сихвка, какие действуют силы, когда карусель кружится? Я не знал.

— Именно эта самая центробежная-центростремительная сила, о которой говорил учитель физики, когда крутил над головой ведро с водою.

Теперь и я вспомнил тот урок физики. И воду, которая не выливалась из ведра. И я понял, что нет ничего страшного в том, что мы не пошли сперва в исторический музей, потому что и здесь можно потратить деньги на учебные цели. Я сказал:

— Эту центростремительную-центробежную ты, Кийлике, хорошо тут подметил.

А Кийлике:

— Давай заплатим по двадцать копеек и посмотрим, как эти силы действуют на человека.

И мы купили на деньги, отпущенные на учебную поездку, два билета, а после еще два. На нас эти силы подействовали вполне нормально, чего нельзя было сказать обо всех катавшихся. И когда мы пошли на автодром, здоровье у нас было в полном порядке.

Если возле карусели встречались и дети, то в очереди на автодром стояли главным образом взрослые. Мне это показалось странным, и я сказал:

— Хорошенькое дело, для детей организуются аттракционы, а приедешь сюда с учебными целями — впереди, как и всегда, взрослые.

Но Кийлике был настроен миролюбиво и сказал:

— На это не стоит сердиться. Ведь и они пришли сюда не веселиться. Им возраст позволяет сдать экзамен на водительские права. У кого нет своей машины, те учатся вождению здесь.

На автодроме было двенадцать автомобилей, и, когда включили ток, все они стали двигаться, так что тем, кто катался, оставалось только крутить руль.

Как и прежде, возле карусели, Кийлике опять вспомнил один урок физики.

— Как ты думаешь, что можно увидеть, если одна машина наедет на другую?

— Гайки, винты и куски железа, — сказал я. Но Кийлике возразил:

— Это если бы машины были обычные. А у этих машин предохранительная резиновая обкладка вокруг. Здесь ты увидишь сохранение энергии. Если одна машина налетит с разгона на другую, у нее разгон уменьшится. Но этот разгон не исчезнет, потому что теперь другая машина, которая получила толчок, будет двигаться быстрее.

Чтобы получше объяснить мне эту штуку с энергией, Кийлике купил билет и взял меня пассажиром. И когда какая-нибудь машина оказывалась поблизости, он налетал прямо на нее, чтобы и там поняли, как обстоит дело с энергией. А затем я заплатил шестьдесят копеек и взял Кийлике пассажиром, потому что повторение — мать учения, и чего Васятка не выучит, того Василий знать не будет.

Когда мы ушли с автодрома, у нас оставалось у каждого от трех рублей по рублю. И я сказал:

— Что было, то было, но оставшиеся деньги мы должны потратить на историю.

И Кийлике кивнул:

— Точно моя мысль. Только прежде еще зайдем в тир.

В тире стреляли из духовых ружей в цель. Но не в круглую бумажную мишень, а в тоненькие палочки. Кто разбивал одну палочку, получал розу на проволочном стебле. Кто две — получал зеркальце. А если расщеплял все три палочки, то на прилавок выкладывали целую пачку жевательной резинки. Кто ни разу не попадал, не получал ничего. Это заставило меня задуматься.

— Послушай, Кийлике, — сказал я, — Давай лучше уйдем! Каждый выстрел стоит двадцать копеек, так что через пять выстрелов ты останешься без копейки. И деньги не будут использованы на учебные цели.

Но Кийлике возразил:

— Как не будут? Ведь прицел основан на той теореме, что через две точки, которыми у ружья являются прорезь и мушка, можно провести только одну прямую. — И поскольку я не мог этого припомнить, он сам напомнил мне о том дне, когда учитель геометрии пришел на урок в класс, держа под мышкой ружье, И я, конечно, тут же вспомнил теорему. И ружье тоже — двуствольное, тринадцатого калибра. Фирма «Беккер». И когда Кийлике купил три пули, я сделал то же самое, потому что еще сорок копеек оставалось на историю, а геометрия тоже нужный предмет.

Но когда мы стали стрелять, выяснилось, что, хотя с геометрией все в порядке, нельзя сказать того же самого про пневматическое ружье. Ибо, как мы ни целились, ни одна палочка не разлетелась. И если бы Кийлике не достал из кармана рогатку и не выпустил с ее помощью последние пули, мы бы даже розы на проволочном стебле не получили.

Теперь же мы на двоих получили зеркальце, у которого с оборотной стороны была картинка, изображавшая дикий Запад. А впридачу мы еще узнали, что если пуля летит мимо, дело не в геометрии, а просто ружье неисправно.

Пионер везде и всегда говорит правду, вот я и рассказал, почему мы не побывали в орудийной башне Кик и Кек, где выставлено далекое прошлое, и в историческом музее, где показывают недалекое прошлое. Если бы Кийлике сразу же воспользовался своей рогаткой, у нас остались бы деньги и для билетов в музей.

На правду никто не сердится, гласит пословица, но историк товарищ Пюгал рассердился, обвинив нас в легкомыслии и бессмысленной трате денег, потому что он и слышать не хотел, что не было никакого легкомыслия и бессмысленной траты, Век живи, век учись — гласит другая пословица. И это верно. Когда мы найдем еще один каменный топор, то первым делом сходим на премиальные деньги в исторический музей.

КАК МЫ ДРЕССИРОВАЛИ МОРСКОГО ДРАКОНА

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы рассказать честно все, как было, я должен опять-таки начать с того, что в нашем классе появился новый ученик, Март Обукакк, который здорово умел подражать жужжанию овода. Однажды на перемене, когда мы бегали во дворе, потому что спорт полезен для здоровья, и случайно оказались на берегу Банного пруда, новый ученик Обукакк сказал:

— Надо бы прийти сюда после уроков поплавать. Никто из нас не поверил, что новичок Обукакк говорит это всерьез. Я сказал:

— Не прыгай в воду в незнакомом месте! В октябре температура воды тут ниже пяти градусов. Топп сказал:

— На середине пруда глубина шесть метров, а если и не столько, то два метра наверняка. А Кийлике пообещал:

— Я съем свою шапку, если Обукакк действительно войдет в воду.

Но тут подошли к пруду девчонки, и мы вынуждены были сменить тему и начать брызгать на них водой, чтобы они отошли подальше, — девчонкам опасно ходить по берегу пруда. А после звонка, когда уже начался урок математики, откуда-то сзади передали моему соседу по парте Кийлике свернутую бумажку, оказавшуюся письмом, в котором сообщалось:

«Плавание в шесть часов. Захвати с собой шапку».

Письмо Обукакка заставило меня задуматься. Я сказал:

— А вдруг этот псих действительно полезет в воду. Тогда тебе и впрямь придется съесть шапку, Но Кийлике покачал головой и заявил:

— Я в октябре падал в пруд. Я знаю, что это значит. Добровольно туда сейчас никто не полезет.

После этих слов я уже не спорил, потому что поверил жизненному опыту Кийлике. Но иногда жизненный опыт подводит, потому что, когда мы в шесть часов или чуть позже пришли к школьной бане, Обукакк в резиновом костюме уже барахтался в воде и, конечно, не вопил от холода, благодаря своему костюму.

Видя столь подлое поведение Обукакка, Кийлике побледнел. И когда Обукакк вылез на берег, Кийлике процедил сквозь зубы:

— Это не в счет! Так не честно! Так можно и зимой полезть в воду. На тебе же резиновый костюм. Но Обукакк засмеялся и заявил:

— Раздет я буду или одет — об этом речи не было. Речь шла лишь о том, чтобы войти в воду.

Тут Кийлике еще больше помрачнел, потому что стало ясно: он попал впросак.

И действительно, об этом не было разговору, наденет ли что-нибудь Обукакк, когда полезет в воду. Но никто не обратил внимания на огорчение Кийлике, всех гораздо больше интересовал резиновый костюм новичка. Потому что хотя у Топпа есть трубка для подводного плавания, а у Каура маска и ласты, такого резинового костюма, который не пропускает воду, никто раньше не видел.

Как мы вскоре установили, костюм состоял из двух частей. И поскольку резиновая блуза на спине Обукакка сидела мешковато, Топп заметил:

— Костюм-то, наверняка, не твой? Но Обукакк ответил:

— Ну и что с того. Я всегда могу взять костюм, когда брата нет дома, лишь бы он ничего не узнал.

После этого мы стали обсуждать, какую пользу может принести костюм,

— Имея такой костюм, можно вволю повеселиться, — сказал Кийлике, Он считал, что иной раз, когда у пруда много народа, Обукакку следовало бы высунуть голову из воды и поблеять бараном.

Обукакка подобные шутки не интересовали.

— Тогда ты мог бы замаскироваться под дракона, — посоветовал Кийлике и рассказал об одном озере в Англии, где живет такое чудовище.

Но Обукакк не желал маскироваться и под дракона.

— Мне не надо прибегать к маскараду, чтобы повеселиться, — сказал Обукакк.

— Мне будет достаточно весело, когда Кийлике начнет есть свою шапку. И он засмеялся: «Хи-хи-хи!» — и велел Кийлике намазать козырек маслом, чтобы легче было глотать.

Забота подобна камню на шее — гласит старинная поговорка, и когда мы с Кийлике возвращались в интернат, он совсем приуныл. Но где самая большая беда, там и помощь ближе всего. И когда мы шли мимо кооперативного буфета, у меня возникла прекрасная идея.

— Послушай, Кийлике, — сказал я. — Ну-ка, улыбнись! Тебе вовсе не обязательно есть именно фуражку. Но Кийлике не улыбнулся.

— Ты думаешь, что лыжную шапочку съесть легче? — хмуро спросил он,

— Тебе и лыжную шапочку есть не придется. Вообще не ешь шапку. Съешь лучше шляпку. — И я показал ему на витрину, где были выставлены «грибы», сделанные из очищенного яйца, на которое надета шляпка из разрезанного пополам помидора.

Кийлике сразу же повеселел, и мы тут же купили два гриба, по двадцать копеек штука, положили в карман и побежали назад к школе.

— Слышь, Обукакк, — сказал Кийлике. — Радуйся и ликуй, я пришел, чтобы выполнить свое обещание, Но прежде чем приступить к делу, хотелось бы узнать, что я должен съесть, фуражку или шляпку.

Обукакк от удовольствия заикал, И засмеялся:

— Хи— хи! А какая разница? В деревне говорят фуражка, шапка, в городе — шляпа. А вообще-то все одно — головные уборы.

Тогда Кийлике повернулся ко мне:

— Ты слыхал, Сихвка? Обукакк разрешает мне вместо шапки съесть шляпку. Ты — свидетель.

А Обукакк захохотал еще пуще, так что даже стал красным как свекла:

— Ха-ха! Разрешаю! Но если тебе одному будет скучно грызть шляпку, то твой приятель Сихвка может войти в долю. — И пообещав в таком случае еще хоть три раза искупаться в пруду, Обукакк чуть не лопнул от смеха.

Кийлике не стал терять времени, вынул из кармана гриб и впился в него зубами. Я, разумеется, последовал его примеру.

Глядя, как Кийлике поедает шляпку из помидора, Обукакк потерял всякое желание смеяться.

— Вы ведь должны были съесть свои шапки! — взвизгнул Обукакк, а мы спросили, чьи же мы едим. И сообщив, сколько они стоили и где мы их купили, велели Обукакку снова облачиться в резиновый костюм, как он обещал.

Теперь я и подошел к тому моменту, когда мы подумали, что было бы жаль пустить Обукакка просто так за здорово живешь барахтаться в пруду. И что если Обукакк не согласится изображать дракона, мы могли бы поселить в пруду искусственное чудовище, которое Обукакк смонтировал бы в воде.

На следующий день, когда уроки кончились, Кийлике сказал: «То, что можно сделать Сегодня, не откладывай на завтра!» — принес из канцелярии ключ от школьной мастерской, и мы приступили к делу.

— Резиновый шланг отлично заменит туловище дракона, — сказал Кийлике и снял со стены мотоциклетный воздухопровод.

— Малярная кисть — хвост, — сказал Каур. Топп шарил глазами по

сторонам, высматривая, куда девался бараний череп, который на последнем уроке зоологии отвалился от подставки и был отослан в мастерскую для починки.

Терпение и труд все перетрут — гласит старинная пословица, и это верно, потому что дракон получился совсем как настоящий, и это подтверждается тем, что когда Топп показал его в окно одному мальчугану из первого класса, тот от страха завопил и даже не стал ждать автобуса, хотя до дома ему было полкилометра.

Кийлике был очень доволен поведением малыша и сказал:

— Когда искусственный дракон высунет голову из пруда, они еще не так завопят.

После этого мы накачали резиновый шланг воздухом и отнесли чучело на берег Банного пруда. И поскольку учительница, товарищ Пюкк, совсем недавно рассказывала, что таким страшным явлениям природы, как тайфуны и ураганы, дают женские имена, мы назвали своего искусственного дракона Анеттой.

Но когда мы захотели погрузить Анетту в воду, нам это не удалось, потому что в Анетту был накачан воздух. Выхода у нас не оставалось, и я приволок пудовую гирю, которую не убрали в шкаф после урока физкультуры, а Топп принес из школьного сада веревку. И Кийлике, продев веревку через ручку гири, забросил гирю в пруд, чтобы иметь на дне точку опоры, которая помогла бы нам спрятать дракона под воду.

Точка опоры сразу помогла. И после того, как каждый из нас попробовал затащить Анетту под воду и снова выпустить на поверхность пруда, мы привязали к ивовому кусту веревку, с помощью которой можно было все это проделывать, и оставили Анетту до следующего утра под водой.

Теперь я продолжу с того, как на следующий день наш класс вышел на школьный участок, чтобы сажать деревья, и это было здорово, потому что зеленое золото необходимо всем и к тому же посадка проводилась во время урока зоологии.

Девчонкам, Роозилехт и Таммекырв, было поручено носить с пруда воду для поливки, но они делали это страшно медленно, и нам захотелось проверить, нельзя ли заставить их двигаться побыстрее с помощью Анетты. Кийлике прокрался к кусту, к которому была прикреплена удерживавшая дракона веревка.

«Человек сам никогда не знает, на что он способен», — сказал учитель истории, когда Топп правильно назвал дату Куликовской битвы. И вообще историк был прав. Потому что как только Роозилехт и Таммекырв увидели

Анетту, они побросали ведра и бросились бежать с такой скоростью, что, будь это на стадионе, можно было бы зафиксировать если не мировой, то уж районный рекорд наверняка.

Но в школьном парке скорость осталась незафиксированной.

— Что вы носитесь как угорелые? — сделала замечание учительница товарищ Пюкк и не пожелала даже слышать о жутком чудовище, которое высовывает голову и хвост из Банного пруда.

Но когда назначили новых водонош и Кийлике хотел снова выпустить Анетту на поверхность пруда, веревка за что-то зацепилась. Мы с Топпом помогли дергать, и веревка вовсе оборвалась. Из Аннеты вырвался воздух, а череп барана отвалился, только воздух поднялся вверх, а череп свалился на дно.

Слово — серебро, молчание — золото, гласит старинная поговорка, но новый ученик Обукакк не прислушался к ней, и вскоре не только ученики, но и учителя прибежали на берег Банного пруда, хотя смотреть было уже не на что.

Теперь я и подошел к тому, по поводу чего преподавательница зоологии и естествознания товарищ Пюкк сказала, что мы злоумышленники, а преподаватель физкультуры сказал, что нам больше нечего надеяться на появление новых Тальтсов и Алексеевых. Потому что они и слышать не хотели, что череп и гирю можно еще достать из пруда, если начать развивать в школе подводное плавание. Если бы мы знали, что Обукакк вообще не может вести подводные спасательные работы, мы бы не воспользовались гирей в качестве точки опоры.

В каждом отрицательном явлении следует видеть и положительную сторону, говорит преподаватель истории, товарищ Пюгал. Как утверждают Роозилехт и Таммекырв, верхняя и нижняя челюсти бараньего черепа будут стоять у них перед глазами до самой смерти.

ЗА ЧТО МНЕ ЗАПИСАЛИ БЛАГОДАРНОСТЬ В ДНЕВНИК ОТРЯДА

(Письмо Агу Сихвки приятелю Карлу)

Здравствуй, друг Карл!

Пришла теперь моя очередь поделиться с тобой опытом и написать о том, как мы живем и что у нас нового.

Начну сразу же с того, как подошла ко мне и моему соседу по парте Кийлике председатель совета отряда Сильви Куллеркупп и сказала, что у всех пионеров есть пионерские поручения, а у вас, Сихвка и Кийлике, нет. Так что теперь будете два раза в неделю помогать коллективу детской библиотеки.

Пионер всегда обязан говорить правду, поэтому я должен признаться, что мы вовсе не были восхищены этим заданием, как, казалось бы, полагается.

Я сказал:

— Во всех газетах рекомендуют вводить в пионерскую работу романтику, а какая романтика в библиотеке. Там одни книги.

И мой друг Кийлике добавил:

— Это несправедливо.

Он имел в виду, что у других пионерские поручения лучше — пятеро ребят ходят каждую неделю помогать в пекарню, а четверо в пожарное депо, и одни уже успели наесться пирожков, другие — пополивать из брандспойта. А в библиотеке таких возможностей не бывает.

В ответ на наш протест Сильви Куллеркупп сморщила нос и сказала:

— Пионерское задание — это не какое-нибудь развлечение.

И посоветовала спросить у классной руководительницы, если мы не верим ей.

Конечно, мы ничего у классной руководительницы спрашивать не стали, так подсказывал нам наш жизненный опыт. Мы примирились с создавшимся положением и отправились в библиотеку, чтобы у всех пионеров нашего звена была связь с коллективами трудящихся.

Коллектив библиотеки встретил нас радостно, велел называть себя тетей Лидией и показал свое хозяйство, в котором, как и следовало предполагать, были одни только книги. Затем тетя Лидия спросила;

— Что самое трудное в нашем деле?

Я сказал, что вытирание пыли, а Кийлике, что поиски необходимой книги на полках. Но мы оба, как оказалось, были неправы, потому что для борьбы с пылью в библиотеке имелся пылесос, а для отыскания нужной книги — каталог.

Когда мы это узнали, наше настроение сильно улучшилось — можно было надеяться, что вытирать пыль и раскладывать книги нас не заставят. И в нас пробудилось любопытство.

— А что же тогда самое трудное? — спросили мы в один голос.

— Заполучить обратно книгу у недобросовестного читателя, — сказала тетя Лидия и показала нам толстую кипу карточек, где каждая карточка — один такой читатель.

Полчаса спустя мы уже шагали по поселку, потому что пионер не боится работы и трудностей, как и сказал Кийлике тете Лидии. К пяти часам у нас была целая кипа книг, завернутых в бумагу, и мы могли с полным правом вернуться в библиотеку. Но Кийлике пожелал зайти еще в один дом на улице Риннаку, потому что ему вдруг захотелось перечесть «Весну» Оскара Лутса, в которой рассказывается о веселых приключениях Тоотса, а также о его однокашнике Кийре, у которого пропали пуговицы с ботинок.

На улице Риннаку стояли индивидуальные дома. Когда мы подошли к большим железным воротам дома номер восемь, в котором жил ученик 7-го класса "б" Пухвель, не возвращавший «Весну» в библиотеку, Кийлике сказал:

— Теперь произведем разведку. — И спросил: — Как лучше всего разузнать, есть во дворе собака или нет? Я не знал, и Кийлике ответил сам:

— Надо полаять под забором.

Потом Кийлике пролаял четыре, а я три раза, но в ответ лая не послышалось.

Зато отворилось окно дома и какой-то голос позвал: — Полла! Полла! Полла!

Тукси! Тукси! Тукси!

И несколько хлебных корок перелетело через забор.

Кийлике счел это очень оскорбительным, потому что мы пришли по делу, а в нас швыряют огрызками. И еще он рассердился потому, что все они попали в него, а меня совсем не задели. И рванулся в ворота.

Как мы увидели, ученик 7-го класса "б" Пухвель лежал грудью на подоконнике и хихикал в свое удовольствие. Это еще больше рассердило Кийлике, и он закричал:

— Хлебом разбрасываешься! А библиотечную книгу несколько месяцев не возвращаешь!

Но Пухвель только рассмеялся. И спросил, какое Кийлике до этого дело. И когда Кийлике заявил, что он уполномоченный библиотеки, Пухвель сказал, что плевать он хотел на таких уполномоченных, и сделал вид, что действительно собирается плюнуть.

Дорогой друг Карл! Конечно, и тебе в своей школе, там у вас, в Янесевере, приходилось быть дежурным по школе и просить какого-нибудь ученика старшего класса, который больше тебя и поэтому силой на него не воздействуешь, выйти из класса на перемене. И если при этом ему на тебя наплевать… Сам знаешь, какое это вызывает чувство.

— Мое терпение кончается! — сказал Кийлике. Но я был более уравновешен и прошептал, как Карлсон, который живет на крыше: спокойствие, спокойствие, только спокойствие. И напомнил Кийлике, что мы пришли сюда как официальные лица.

Тогда Кийлике взял себя в руки и спросил как лицо официальное:

— Это восьмой дом по улице Риннаку?

— Допустим, — с издевкой ответил ученик 7-го класса "б".

— Ты — Велло Пухвель?

— Допустим, — хихикнул Велло Пухвель. И, сделав вид, что он нас совсем не знает, спросил:

— А что вам надо?

— Спокойствие, спокойствие, только спокойствие, — снова сказал я Кийлике.

Но это не помогло. Потому что терпение Кийлике лопнуло, и он закричал вовсе неофициальным тоном:

— Сейчас же подавай сюда книгу!

Много крику — мало толку, говорит старинная пословица, которую ты, друг Карл, наверняка знаешь. Так было и на сей раз. Вместо того, чтобы принести книгу, ученик 7-го класса "б" плюнул на ботинок Кийлике и тут же захлопнул окно. И когда мы пригрозили, что пожалуемся его отцу или матери, ученик 7-го класса "б" рассмеялся и сказал, что его родители оба работают на фабрике в вечернюю смену.

Мы ушли с улицы Риннаку вне себя от злости. И Кийлике сказал, что он этого дела так не оставит. На сей раз это были не просто слова, ибо Кийлике надолго исчез куда-то из интерната, а когда вернулся, отозвал меня

в сторонку и, воскликнув: «Умри, собака!» — выхватил из-за пазухи двуствольный пистолет, который я видел раньше у дяди Кийлике за стеклом в шкафу. И затем он предложил вернуться на улицу Риннаку вооруженными и таким образом отнять книгу, которую мы не получили.

Если придерживаться истины, то должен заметить, что сначала я был против этого плана. Я сказал:

— Это еще неизвестно, сможем ли мы получить книгу, угрожая пистолетом.

Но Кийлике возразил:

— Сможем. Ведь он не знает, что пистолет не заряжен. Я сказал:

— Его родители могут оказаться дома. А Кийлике в ответ:

— Так скоро они не вернутся. Слыхал же — они работают в вечернюю смену.

Я еще сказал, что парень, когда придет в себя от страха, может заявить в милицию и устроить за нами погоню. Но Кийлике ответил, что и против этого имеется средство. И предложил переодевание, По настоянию Кийлике я взял под мышку коричневый пиджак своего одноклассника Виктора Каура, а Кийлике взял пиджак Пеэтера Топпа, который спит на соседней кровати. Действовали мы без спросу, потому что оба наших приятеля находились на тренировке. И Кийлике сказал, что нет ничего страшного в том, что пиджак Каура достает мне до колен и карман у него почти оторван. Дескать, маскировочная одежда и должна быть такой.

Около улицы Риннаку мы забрались в большой декоративный куст, названия которого я не знаю, и переоделись. А мне еще и повезло — я нашел пустую бутылку, которая стоит двадцать копеек, и взял ее с собой, потому что лучше синица в руке, чем журавль в небе. А Кийлике взлохматил себе и мне волосы и угольком размалевал нам лица.

Когда подготовка была закончена, мы перебежали через улицу прямо во двор дома номер восемь. И затем дальше в прихожую, где Кийлике вынул пистолет и постучал рукояткой в дверь комнаты.

— Сейчас он выйдет, — шепнул Кийлике, и так оно и случилось. Потому что когда послышались шаги и дверь распахнулась, за ней стоял именно тот, кто был нам нужен. Он сразу же стал пятиться, а Кийлике целился в него пистолетом, наступал и все повторял:

— Умри, собака!

И велел подать сюда библиотечную книгу «Весна».

Так они прошли почти через всю комнату. Затем Велло Пухвель споткнулся и посмотрел в сторону. И захихикал. Я, конечно, тоже глянул туда, куда смотрел он, и у меня подкосились ноги. Потому что рядом с

дверью, в которую мы вошли, стоял высокий мужчина — это был директор нашей школы.

Дорогой друг Карл! Я уверен, что и у тебя в жизни случались страшные мгновения, когда кровь застывает в жилах, а в голове бьется мысль: быть или не быть. Вспомни самое жуткое из них, и ты поймешь, что мы почувствовали.

Кийлике заклацал зубами, как ксилофон. И хотя он изо всех сил пытался запихать пистолет в карман, это ему никак не удавалось — дрожали руки.

Единственный, кто радовался, — это ученик 7-го класса "б" Пухвель. Его рот растянулся до ушей, и от восторга он хлопал руками по коленям.

Как ты и сам понимаешь, мы с Кийлике стояли, не смея поднять глаз. И конечно ждали, что скажет директор. Но к нашему удивлению, нам он ничего не сказал, зато сказал ученику 7-го класса "б":

— От своего племянника я такого не ожидал. Услышав это, мы подняли глаза и поняли, отчего это пропала у Пухвеля охота смеяться. И когда затем директор прикрикнул, что, дескать, брать в библиотеке книги ты умеешь, а обратно относить не научился, улыбка исчезла с лица Пухвеля окончательно.

Жизнь полна неожиданностей — гласит народная мудрость, и это правда. Потому что потом директор подошел к нам и спросил:

— Стало быть, вы гонцы библиотеки? — На что мы кивнули.

— И теперь ваше пионерское поручение — наведываться к ленивым читателям? — И мы опять кивнули.

— А чья идея — являться вот так?.. — И он указал на двуствольный пистолет Кийлике и нашу маскарадную одежду.

Тут я понял, что в интересах истины мне следует взять слово, и сказал:

— Он придумал! — И подтолкнул Кийлике вперед. Но Кийлике уточнил;

— План мы составили все-таки вдвоем! — И потянул меня за собой.

— Так, так! — Директор похлопал Кийлике по плечу. — Тебя я сразу узнал. Ты, стало быть, Тоотс…

В эту минуту из разорванного кармана пиджака Каура, который был на мне, выпала на пол бутылка с этикеткой «Вируская белая», та самая бутылка, которую я нашел в кустах. И директор сказал:

— А ты — Либле. — И засмеялся. Мы на всякий случай тоже засмеялись, хотя ничего и не поняли.

Ты, далекий мой друг Карл, читая эти строки в спокойной обстановке и в тишине, конечно, сразу понял, что имел в виду наш директор. Но нам

потребовалось на это время. И только тогда, когда директор спросил;

— Значит, если какой-нибудь мальчик надолго задержит «Приключения Тома Сойера», к нему в один прекрасный день явятся Том и Гекльберри Финн? — мы стали догадываться, в чем дело. И совсем ясным все стало тогда, когда директор заметил, что особенно славным был бы приход Карлсона и Малыша за книжкой о Карлсоне.

Итак, дорогой друг Карл, я, согласно нашему уговору, рассказал тебе о самом захватывающем происшествии прошлого месяца. Находчивость при выполнении пионерского поручения — великое дело. Так сказал товарищ директор и собственноручно вручил нам «Весну», которую его племянник Пухвель вынужден был безо всяких возражений принести из другой комнаты.

Начиная нашу дружескую переписку, мы договорились обмениваться опытом, и теперь ты знаешь, за что совет отряда записал мне и Кийлике в дневник благодарность.

— Находчивость в пионерской работе — великое дело, — сказал и старший пионервожатый нашей школы. Вот так теперь и бывает, что если кто-то из читателей детской библиотеки долго не возвращает «Приключения Тома Сойера», к нему в один прекрасный день являются Том и Гек. А однажды мы даже были пиратами, и Кийлике пел:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо! И бутылка рома!» И ковылял на деревянной ноге, которая от этого сломалась.

Другие ребята теперь ужасно завидуют нашему пионерскому поручению. Каур даже хочет перейти к нам из пекарни. Но это мы еще посмотрим.

Во всяком случае, тогда он должен достать для роли Гекльберри Финна дохлую кошку или, еще лучше, чучело кошки.

На этом, верный друг Карл, я кончаю. В ожидании твоего ответного письма твой Агу Сихвка.

КАК Я ИСПОРТИЛ КОСТЮМ ПОЧЕТНОМУ ГОСТЮ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с той пятницы, когда в зале нашей школы готовилась выставка ученических работ и все получили приказ принести что-нибудь.

Как известно, на выставке ученических работ выставляются перчатки, салфеточки и носки, изготовленные девчонками, а также изготовленные мальчиками доски для разделки мяса, скалки и табуретки. Поэтому все были очень изумлены, когда Каур принес в школу деревянного льва, державшего в зубах стеклянную трубку.

Я сказал:

— Только поглядите, у папаши Каура в последнее время было много свободного времени. Кийлике сказал:

— Это попахивает производством объединения «Уку». А Топп спросил, почему льву в зубы не сунули берцовую кость, и заметил, что стекло грызут только шпагоглотатели, да и то лишь в цирке и за большие деньги.

Поскольку девчонки страшно восторгались львом и не утихали ахи и охи, Каур жутко заважничал и обиделся на наши дружеские замечания.

— Сам ты попахиваешь «Уку»! — сказал он Кийлике. — Сам можешь взять кость в зубы! — сказал он Топпу. И, кашлянув в мою сторону, добавил:

— Если бы у вас было больше соображения, вы бы уже давно докумекали, что эта стеклянная трубка имеет свое назначение. Этот Цапик будет у меня фонтанировать воду.

Тут и мы заметили, что стеклянная трубка проходит через льва насквозь.

Точнее — входит в пасть и выходит под хвостом. И наше отношение ко всему этому делу изменилось.

— Если мы имеем дело с фонтаном, — сказал Кийлике, — тогда другое дело.

Тогда «Уку» здесь и не пахнет.

— Я тоже беру свои слова назад, — сказал Топп. — В теперешних

условиях даже зверь может грызть стекло.

А я признался, что намек, будто льва изваял старик Каур, был задуман как шутка. И пусть молодой Каур не обижается.

Тут я пропускаю, как украшали выставочный зал, как варежки и кашне и так далее были разложены на одном конце длинного стола, а изделия из дерева — хлебницы и толкушки — на другом. Также пропускаю, как Каур прикрепил ко льву резиновый шланг, а шланг к пластмассовой трубке, которую в свою очередь соединил с жестяной коробкой, где, как указывала этикетка, раньше находилась сельдь атлантическая.

Поскольку коробка была пристроена за занавеской на высокой полочке для цветов, каждый понимал, что оттуда вода должна потечь вниз. Так оно и было, ибо, когда Каур наполнил коробку водой, Цапик стал цвиркать водой в предназначенную для этого ванночку.

Чтобы в самый день выставки дети не мешали гостям, всем было велено заранее насмотреться и удовлетворить свое любопытство. Итак, в зал непрерывно стекались ученики. Поскольку лев был единственным экспонатом, из которого бежала вода, то естественно, что все толпились перед ним. И председатель совета отряда Куллеркупп передвигала табличку нашего отряда все ближе и ближе ко льву и сама не отходила оттуда. И безусловно, Каур тоже бы не отошел, если бы ему не требовалось все время таскать воду.

Но когда настал следующий день, день открытия выставки, Каур в школу не пришел. Топпа послали выяснить, что с ним, и оказалось, что он лежит в постели и у него жар, то есть температура, 39 градусов. Болезнь друга вызвала у нас сочувствие.

— Вот тебе и фонтан! — сказал Кийлике.

— Я тоже думаю, что его добило таскание воды! — сказал Топп. — Если тело потное, к воде даже близко подходить не следует.

А Калкун заметил:

— Теперь, значит, левушка не сможет и глотку смочить. Но председатель совета отряда Куллеркупп считала иначе. И объявила:

— Успех Каура — успех всего отряда. Трудовая победа Каура — одновременно и наша общая трудовая победа. Один за всех, все за одного. Сегодня вы — Сихвка и Кийлике — позаботитесь о том, чтобы из пасти льва брызгала вода. И отнеситесь к своему заданию серьезно, потому что, говорят, на выставку придут депутаты сельсовета и учителя из других школ.

Теперь я рассказал, с чего все началось. И что Каур сделал льва, а сам заболел. Дисциплина — основа порядка, говорит преподаватель

физкультуры товарищ Пауксаар, и, получив задание, мы с Кийлике осмотрели льва, трубки и банку для воды. Кийлике сказал:

— Прежде всего составим план. Поскольку теперь ясно, что Каур доконал себя работой, мы должны организовать дело получше. Если ты не возражаешь, предлагаю сделать затычку для отверстия в дне банки.

Я не возражал. Я сказал:

— Полностью согласен. Поддерживаю двумя руками. Затычка позволит перекрыть воду в то время, когда важные гости отсутствуют.

И тогда мы сделали деревянную затычку, и вскоре увидели, что, благодаря новшеству, или, как пишут в газетах, научной организации труда, жизнь наша стала гораздо легче, чем накануне у Каура. Потому что теперь мы лишь тогда пускали льва цвиркать водою, когда в помещение выставки входил кто-нибудь из родителей, учителей или учеников старших классов. А поскольку, благодаря этому, приходилось выносить гораздо меньше воды, которая натекала из пасти льва в замаскированную под бассейн эмалированную ванночку, у нас оставалось время даже на критику.

— Что касается пользы, — сказал Кийлике, — то моя толкушка и твой валек для стирки куда ценнее. Но на них никто не смотрит, поскольку все толпятся вокруг льва. Не понимаю, неужели они не видят, что у него горб, как у верблюда?

— Горб — не велика беда, — сказал я. — Ведь лев относится к семейству кошачьих, у него и горб может быть. По-моему, гораздо больший недостаток в том, что вода брызжет лишь на пять сантиметров.

Поскольку как раз в посещении гостей наступил перерыв, мы стали рассуждать, отчего зависит дальность брызгания. И я вспомнил, как когда я был маленьким, то принес с реки стебли и сделал из них насосы для водяной войны. И, как Сулев Калкун, сделал отверстия в своих насосах гонтовым гвоздем и сказал, что это у него пушки, а я в своих — тонким гвоздем, и это были снайперские винтовки. И когда началась война, широкая струя у Сулева летела лишь на несколько метров, зато у меня раза в три дальше.

— Теперь ясно, в чем Каур допустил ошибку, — сказал я после воспоминаний о детстве. — Стеклянная трубка, которую он засунул во льва, слишком широкая.

Из такой широкой трубки лев никогда не сможет далеко брызгать.

Вместо того, чтобы ошибку хулить, помоги ее устранить — говорит старинная эстонская пословица, а также наш директор, когда проводится генеральная уборка или другая важная работа. Поскольку гостей, ради которых льву стоило извергать воду, не было, мы с Кийлике стали

обсуждать, как исправить дело.

Я сказал:

— Если бы Каур воткнул во льва медную или железную трубку, мы бы взяли клещи и сжали конец трубки. Но стеклянную трубку не сожмешь.

Кийлике был со мной согласен.

— Стеклянную трубку, конечно, не сожмешь, но зато на стеклянную трубку можно надеть наконечник, в котором не так уж трудно пробуравить тоненькую дырочку. — И Кийлике велел мне вспомнить о встрече нашего отряда с бывшим партизаном, состоявшейся несколько недель назад.

И так только Кийлике произнес слово «партизан», я сразу вспомнил, как во время сбора мы сидели в классе на полу вокруг красной лампы и как бывший партизан рассказывал о землянке и о карбидной лампе, где очень важно было тоненькое отверстие, через которое выходил карбидный газ.

— Угадайте, из чего мы в лесу делали горелку? — спросил партизан, и, поскольку мы не смогли угадать, ответил сам: — Из ружейной пули. Выплавив из нее свинец.

— Беседу с партизаном я, конечно, помню, — сказал я Кийлике. — Но также помню, что у нас нет больше ни одной полой ружейной пули. Последняя пуля, которая служила наконечником для стрелы, пропала вместе с вороной, которую ты хотел застрелить на пастбище.

Но Кийлике усмехнулся.

— Кто ищет, тот всегда найдет, — сказал он и достал из кармана пулю.

Затем мы принесли из мастерской шило и проковыряли в остром конце пули дырочки. И еще я принес просмоленной пакли, а Топп польский клей «Суперцемент», чтобы получше укрепить пулю в пасти льва. Но когда все было готово и мы привели фонтан в действие, из пасти льва брызнула тонкая струйка, однако ничуть не дальше, чем прежде.

Такое поведение льва возмутило нас.

— Не понимаю, чего он, сатана, еще хочет, — сказал Кийлике. — Если бы в стебле можно было сделать такое хорошее отверстие, как теперь во вставном зубе льва, вода летела бы на полкилометра.

— И я тоже не понимаю, чего он хочет, — сказал Топп, который во время реконструкции льва был нашим советчиком, — На всякий случай можно было бы поднять повыше банку с водой. — Но и это не принесло большой пользы. Потому что, когда полочка для цветов, на которой стояла банка с водой, была поднята еще на стул, струйка из пасти льва удлинилась лишь на сантиметр или два.

Где самая большая беда, там и помощь ближе всего — говорит старинная пословица, и иной раз это верно. Потому что в это время в зал

вошел Тимохвкин.

Как всем известно, Тимохвкин никогда не отказывается отвечать на вопросы.

Так было и на сей раз.

— Сопротивление силы трения обратно пропорционально… — сказал Тимохвкин насчет ружейной пули с маленьким отверстием и прибавил формулу, которую я не запомнил.

— Сила давления прямо пропорциональна… — сказал Тимохвкин по поводу поднятой выше цветочной полочки и выдал еще одну формулу, которую я также не могу теперь повторить.

Заслышав формулы, Топп сразу же отошел подальше, а Калкун, который до тех пор все искал себе занятие при нас, даже и смотреть на льва больше не стал.

Но мы с Кийлике находились при исполнении пионерского поручения и не позволили себя запугать.

— Очень мило, — сказал Кийлике. — Как в Академии наук. Но поскольку нас еще туда не приняли, скажи то же самое так, чтобы и простым людям было понятно.

— Произведите давление на поверхность воды, — посоветовал Тимохвкин. И спросил, разве мы забыли, что жидкость передает давление во все стороны с одинаковой силой.

Теперь и мы вспомнили, как учитель физики товарищ Кинк принес в класс насос и манометры. И привинтил манометры к устройству из труб, а насосом производил давление. И все манометры на трубках показывали одинаковое давление, не считая одного, который был испорчен и ничего не показывал.

Я сказал:

— Как мне кажется, словам Тимохвкина можно поверить. Если мы надавим на поверхность воды, это давление обязательно должно достичь вставного зуба льва. Вот только чем надавливать?

Но Кийлике сказал:

— В учебной кухне есть разные крышки от кастрюль.

Вот теперь я и рассказал все, как было, и объяснил, что не было озорства, было лишь желание заставить льва лучше извергать воду. «Все за одного», — сказала председатель совета отряда Куллеркупп, и мы старались. «Усильте давление», — сказал Тимохвкин, и мы усилили. И вода действительно передала давление дальше, вылетев из вставного зуба льва на воротник пиджака председателя сельсовета и немножко на отвороты.

«Экспонаты руками не трогать!» — говорят на выставках и пишут на

стенах. У нас таких табличек не было, товарищ председатель сельсовета взял льва в руки и вот тебе на.

Пионер говорит всегда и везде только правду, и я повторяю еще раз, что никто чернильного порошка в банку с водой не сыпал. То, что насыпал туда Топп, был марганцевый калий, которым полощут горло при ангине и используют в хозяйстве.

КАК Я ПОЛУЧИЛ ДВОЙКУ ПО ГЕОМЕТРИИ

(Объяснительная записка Агу Сихвки завучу)

Чтобы честно все рассказать, как было, я должен начать с того дня, когда у нас проходила радиолинейка и председатель совета дружины Кибуваск велел всем запомнить, что в жизни знания необходимы, как винтовка во время сражения.

Такая постановка вопроса меня сильно удивила. Я сказал:

— В современных условиях с винтовкой много не навоюешь. Надо иметь хотя бы автомат. Топп сказал:

— Теперь винтовка годится только, чтобы в медведей стрелять. В сражениях и боевых походах теперь главное оружие — танк.

А Кийлике:

— Очевидно, Кибуваск не читает газет. По-моему, вместо винтовки ему следовало бы упомянуть ракету. — После чего Кийлике принялся нам объяснять все, что можно сделать ракетой.

Поскольку в речи председателя совета дружины Кибуваска как раз наступила пауза, потому что один листок упал на пол, а без текста Кибуваск не мог ничего сказать, старший пионервожатый услыхал слова Кийлике, подошел к нам сзади и сделал замечание за нарушение дисциплины на торжественном сборе.

Здесь я пропускаю, как председатель совета отряда Сильви Куллеркупп зашипела на нас, что также нарушило ход торжественного сбора, но это оставили без внимания, и продолжу с того места, когда мы вернулись в свой класс и стали принимать личные обязательства. Я сказал:

— Не страшится трудностей пионер. Я обязуюсь учиться, если только смогу, лишь на удовлетворительно и хорошо.

Кийлике сказал:

— Я обязуюсь продвинуться в математике дальше, чем в прошлом году. А Каур:

— Мы с Топпом повысим успеваемость на десять процентов.

Сильви Куллеркупп все записала. Но вместо похвал сморщила нос и напомнила о замечании во время радиолинейки и об очках, которые вычтут

за это у всего отряда,

— Что значит, если только смогу? — сказала мне Сильви Куллеркупп. — Учиться хорошо можно всегда.

— Ты уже в прошлом году продвинулся довольно далеко — в отряде из-за тебя едва не появилась двойка, — — сказала Сильви Куллеркупп Кийлике. И она закончила свое выступление, сказав, что нас, включая Топпа и Каура, следует обязать жить по расписанию.

Теперь я и подошел к тому, с чего, по правде, следовало бы начать. Как Сильви Куллеркупп решила, так другие ее и поддержали. Тут же на сборе нам составили расписание на сегодняшний день.

— Кто минуты ценить не научится, из того передовик не получится, — сказала Сильви Куллеркупп и написала это на доске.

Но когда мы выразили опасение, что дело непривычное и по силам ли нам жизнь, которая идет по строгому расписанию, она добавила: — Если друг тебе опора, не страшны любые горы.

Под этим она, конечно, подразумевала, что я должен опираться на Кийлике и наоборот.

Когда мы наконец разошлись со сбора, было уже половина третьего.

— Хорошенькое дело, — сказал Кийлике. — Через пятнадцать минут мне положено зубрить английский, а я еще возле школы. Мотоцикла у меня нет и такси мне не подали, так что придерживаться расписания будет довольно трудно.

Я не пал духом. Я сказал:

— Эта Куллеркупп ошиблась насчет опоры. В теперешнем положении тебе больше нужны ноги друга. Если кто-то поведет или, как говорят спортсмены, задаст темп на дистанции, можно и без мотоцикла вовремя успеть в интернат. — И я пустился бежать, подавая пример Кийлике, ибо из-за большого собственного веса бегать самостоятельно ему трудно.

Как вообще известно и можно прочесть в журнале «Физкультурник», спортсмены, бегущие за лидером, всегда показывали лучшие результаты и, конечно, Кийлике с моей помощью успел бы вовремя к учебнику английского языка, если бы на мосту нам не встретилась классная руководительница товарищ Пюкк.

— Ага, Сихвка и Кийлике, — сказала учительница Пюкк. — Вот кстати. Идемте со мной, поможете принести из магазина учебные пособия.

Всякому понятно, что учителя следует слушаться. Потому что если не послушаешься, можно, конечно, вовремя успеть к учебнику английского языка, но что произойдет на следующем уроке зоологии, тоже известно. Вот мы и помогли учительнице отнести в школу несколько чучел грызунов,

два застекленных ящика с бабочками, барометр-анероид и еще желудок животного из искусственного материала, открывающийся, как шкаф на петлях, и состоящий из рубца, сетки и сычуга.

Когда мы пришли в интернат, было уже без десяти четыре.

— Поторапливайся! — сказал я Кийлике. — Принимайся за свой английский. — Но Кийлике покачал головой и мрачно спросил, разве я не помню, в чем мы поклялись на сборе отряда.

Теперь и я вспомнил, как мы в конце сбора стояли в строю и Куллеркупп спросила:

— Сихвка и Кийлике, готовы ли вы точно выполнять свое дневное расписание?

И мы ответили:

— Всегда готовы!

И я понял, что, конечно, Кийлике уже не может возиться с английским языком, поскольку время, отведенное на приготовление английского, сейчас кончится.

И я тоже не могу, потому что с четырех до пяти у меня, как и у Кийлике, по расписанию баскетбол и другие игры с мячом, которые предусмотрены для того, чтобы наше физическое развитие не захирело, как это теперь часто случается.

Лови человека на слове, быка — за рога, гласит старинная пословица, и на сей раз нам удалось сдержать свое обещание. Но когда настало пять часов и мы хотели приступить к следующему пункту программы дня, нас постигла неудача, потому что на лестнице нам встретилась заведующая интернатом товарищ Кадастик. И сказала точно те слова, которые я тут пишу:

— Сихвка и Кийлике, во дворе у бани завалилась поленница. Идите сложите ее заново.

Так нам не удалось с пяти до шести часов выполнить свое обещание. Потому что, хотя мы и пытались объяснить заведующей, товарищ Кадастик, что общественная работа по плану у нас позже, она об этом и слышать не захотела. И о нашем обещании также. И мы складывали дрова все то время, что было предназначено по плану для геометрии.

Вот я и рассказал честно, как случилось, что Кийлике получил двойку по английскому, а я по геометрии. Пионер держит свое слово, и мы сдержали, как смогли. За правду не бьют, говорит старинная пословица, но учительница английского языка и учитель геометрии нас наказали, потому что они и слушать не захотели, как все было и что мы не виноваты.

Если бы председатель совета отряда Куллеркупп не взяла с нас клятвы

строго придерживаться программы дня, мы бы могли выучить английский и геометрию перед сном. Но это время было предусмотрено для прогулки и личных дел.

Век живи, век учись — гласит старинная пословица, и верно. Теперь я знаю, что само по себе расписание или программа дня не обеспечивают высокой успеваемости.

КАК МЫ НАРУШИЛИ НОЧНОЙ ПОКОЙ В ИНТЕРНАТЕ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы рассказать честно все, как было, я должен начать с фильма, в котором Фантомас действовал снова, и который мы ходили смотреть — я два, Кийлике два, Топп два и Каур три раза.

Искусство пробуждает мышление, говорит учитель рисования, и это верно.

Когда мы вечером вернулись в интернат, Кийлике сразу же поднял вопрос, как нам понравилось бы, если бы мы могли иногда менять свое лицо, как это делал Фантомас,

— Мне бы понравилось! — решил Топп и сказал, что на уроках взял бы себе лицо Тимохвкина, потому что у Тимохвкина все всегда бывает выучено, и учителя его не вызывают.

— Мне бы тоже понравилось, — сказал Каур. — На урок математики я хотел бы взять себе лицо учителя математики или еще лучше — директора школы.

А я ничего не сказал, потому что понял: все это пустые мечты.

Кийлике был согласен со мной.

— Современная техника не дает еще таких возможностей, чтобы каждый человек мог менять себе лицо. Но кое-что из этого фильма можно и теперь претворить в жизнь. — И объяснил, что имеет в виду то место, где французский полицейский лег спать в постель, которая начала ночью двигаться.

Тогда и в нас пробудился интерес, и когда пятый мальчик из нашей комнаты — Трауберг, который не слыхал нашего разговора, потому что находился в это время в умывальной, уснул, мы встали и вчетвером забрались к нему под кровать,

— Раз-два, взяли! — шепнул Кийлике, и мы перенесли кровать к печке.

— Раз-два, взяли! — снова шепнул Кийлике, и мы вернулись с кроватью назад.

Поскольку Трауберг спал как и прежде, стало ясно, что прямолинейное движение койки на него никак не действует. И, само собой разумеется, нас

заинтересовало, как действует на него криволинейное движение. А особенно такое, при котором кровать бы еще и тряслась в меру. Но когда мы попробовали установить это экспериментальным путем, Кийлике под кроватью стал вопить, потому что пружины матрасной сетки попали ему промеж ребер.

Мы очень рассердились на Кийлике, ибо своими воплями он разбудил Трауберга, и тот все понял. Таким образом полностью провалился наш эксперимент по проверке реакции современного человека на действие необъяснимых сил или, говоря иначе, на чертовские штучки.

Я сказал:

— Во время войны люди переносили всякие пытки. А ты даже маленькую боль не мог вытерпеть. Теперь провалился такой прекрасный план.

Но Кийлике сказал:

— Это неважно. Я могу тут же придумать новый план. — И предложил повесить перед дверью соседней комнаты призрак, как это делал в фильме Фантомас.

Чтобы все было понятно, я должен, между прочим, рассказать о том уроке эстонского языка, на котором учительница товарищ Корп сказала, чтобы мы хорошенько подумали, нет ли у кого-нибудь дома хомута, который родители позволили бы принести для украшения ее новой квартиры.

Как всем известно и как показывают по телевизору, теперь старинные вещи, и в первую очередь прялки, колеса от телег и кофейные мельницы в моде, поэтому желание учительницы никого не удивило. И после уроков Каур отправился домой. Когда он вечером вернулся в интернат, то бросил с грохотом на пол хомут с несколькими ремешками, которые, как выяснилось, называются сбруя. И потом еще выложил два медных колокольчика и бубенцы.

Конечно, посмотреть на это сбежалось пол-интерната; лошадиной сбруи многие вблизи никогда не видели, потому что краеведческие музеи имеются только в городах. И словно само собой возникло возвышенное настроение.

— Детство! — сказал Кийлике и припомнил, как он в трехлетнем возрасте ехал на лошади.

— Выпас! — вздохнул Топп и рассказал о камне, с которого его отец всегда взбирался в седло.

А Каур запел:

«Однозвучно гремит колокольчик…» — взяв, к сожалению, фальшивую

мелодию.

Мысль всегда влечет за собой действие, говорит классная руководительница товарищ Пюкк, и это верно. Потому что как раз в тот момент, когда мы огорчались, что теперь больше не слышно голоса колокольчика, у Каура возникла идея, как исправить это положение. И он тут же надел хомут себе на шею. Но постромки мешали ему скакать по коридору, и он просто отрезал их, воспользовавшись для этого ножом Кийлике.

Поскольку постромки еще не используют для украшения квартир, они с тех пор валялись под койкой у Каура, и теперь Кийлике вспомнил о них, А так как над дверью комнаты мальчишек из восьмого класса в потолке торчал подходящий крюк, мы подцепили сбрую на него за одно кольцо и подвесили Каура.

— Все-таки хорошо, что в старину у лошади и под хвостом проходил ремешок, — сказал Топп. — Теперь Каур в случае необходимости может на нем сидеть.

Но Кийлике возразил ему:

— Этого даже в кинофильмах не бывает, чтобы привидение присело отдохнуть.

Если уж он устанет, правильнее будет сменить его.

Затем, когда Каура завернули в простыню, мы выключили в коридоре все лампочки, чтобы остался только лунный свет, и стали держать совет, как бы кого-нибудь разбудить и выманить в коридор.

Каур считал, что он смог бы жутко завыть.

Топп сказал:

— Я мог бы прокрасться в комнату и дернуть кого-нибудь за ногу.

Но Трауберг возразил:

— Нет, нет, это не пройдет. — И сказал, что, как известно из жизни, дерганье за ногу во время утренней побудки лишь вызывает поворот на другой бок и еще более крепкий сон.

Ум хорошо, а два лучше — учит старинная пословица, и это верно. Потому что Кийлике припомнил, как он однажды принес в интернат три копченые атлантические селедки. И как вся комната не могла спать, потому что нас мучила жажда и целую ночь все ходили в умывальную пить воду. Сначала мы не поняли, почему он об этом заговорил. Я сказал:

— Хорошенькое дело. Каким образом ты собираешься накормить спящих селедкой?

Топп спросил:

— И откуда сейчас взять эти селедки?

Но Кийлике сказал, что дело не в селедке, а в соли. И соли на кухне предостаточно, надо только принести.

Тогда-то я и принес по совету Кийлике пачку соли, а Кийлике взял фонарик у привидения, которое, несмотря на запрет, к этому времени уселось на вышеназванные ремешки сбруи. Но когда мы вошли в соседнюю комнату посмотреть, кого же накормить солью, выяснилось, что выбора у нас нет, потому что только Петерсон спал на спине с открытым ртом.

— Как ты думаешь, сколько соли потребуется, чтобы вызвать жажду? — спросил я. Но Кийлике не знал и предположил, что для начала достаточно одной чайной ложки.

После этого мы крадучись выбрались из соседней комнаты, вернули Кауру фонарик и спрятались у себя в комнате за приоткрытой дверью.

— Скоро он выйдет, — сказал Кийлике. — Теперь эта соль должна уже раствориться.

И так оно и случилось, что видно из того, что дверь соседней комнаты отворилась и на пороге появился Петер-сон. Но вместо того чтобы закричать от страха нечеловеческим голосом, он лишь почесал затылок, скосил глаза на висящего под потолком Каура и спокойно направился в умывальную.

Как вы понимаете, мы были очень изумлены, И не знали, что думать.

— Это все оттого, что призраки становятся ленивыми, — рассердился Кийлике.

— Я же утверждал, что нельзя садиться на хвостовой ремень. И почему Каур не взял фонарик в зубы?

И хотя Каур тотчас учел критику, это ничего не дало. Попив воды, Петерсон прошел мимо него опять с таким выражением лица, будто призрак, державший под простыней зажженный фонарик, — привычное, будничное явление.

Конечно, от этого у нас упало настроение, потому что время — самое дорогое достояние человека и нет смысла расходовать его зря.

«Хочу все знать!» — гласит плакат в кабинете физики. И мы тоже. Мы тут же начали обсуждать, что случилось с Петерсоном.

— У Петерсона куриная слепота, — сказал Топп, подразумевая, что в полутемном помещении Петерсон мог вообще не заметить Каура.

Этому никто не поверил, потому что позже у Каура был даже горящий фонарик в зубах. Да и в окно с улицы падал свет.

— Может быть, он был в ненормальном состоянии, — предположил Кийлике, подразумевая, не является ли Петерсон лунатиком.

В это тоже никто не поверил, потому что, как всем известно, лунатики, двигаясь ночью в темноте, протягивают впереди себя руки, а протянутых вперед рук у Петерсона никто не заметил.

Тогда Трауберг начал говорить и одним махом разгадал эту головоломку.

— Петерсон занимается в историческом кружке, — сказал Трауберг, — где наука под названием «материализм» ясно доказывает, что призраков и привидений не существует. А если некоторым людям доказано, что чего-то нет, то потом можешь им дать это хоть руками потрогать, все равно не поверят.

Поскольку Трауберг умный парень, больше никто не сомневался, что мы зря подвесили Каура. И ни у кого больше не возникло желания посолить вместо Петерсона какого-нибудь другого ученика, потому что сила современной науки известна, а список членов исторического кружка так поздно вечером негде было достать.

— Если у человека выработалось мировоззрение, для него уже ничего не значит то, что видят его глаза, — сказал Трауберг. И посоветовал спустить вниз Каура вместе с белой простыней и всей сбруей.

Но когда мы собирались это сделать, на лестнице послышались шаги и постукивание палки, которая, как все знают, вырезана из можжевельника и принадлежит сторожу Сидорову, охраняющему по совместительству ночной покой интерната, Теперь я и подошел к тому, о чем заведующая интернатом сказала «нарушение ночного покоя и пугание старого человека», — потому что она и слушать не захотела, как все было на самом деле и что никто ничего не нарушал и никто не пугал Сидорова. Он испугался самостоятельно и по собственной инициативе.

Знание — свет, невежество — тьма, говорит учительница русского языка, и это верно, Если бы сторож Сидоров в молодости тоже посещал исторический кружок, он бы, увидав привидение, и глазом не моргнул.

Сбрую и другие ненужные для учебного процесса вещи Каур отнес обратно домой.

КАК МЫ ЗАПОЛНЯЛИ СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ АНКЕТУ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того урока классной руководительницы, когда к нам пришел социолог и дал каждому анкету, не считая только меня и Кийлике, потому что мы в это время были в подвале, чинили вешалку.

Поскольку в газетах пишут, что социология имеет важное значение, меня и Кийлике очень обидело, что нас отстранили от общего мероприятия, Кийлике сказал:

— Очень мило. Шалопаи из второго класса опрокидывают вешалку, а нас с Сихвкой посылают чинить. Уж если ее и должен был чинить кто-то из нашего класса, так следовало послать Топпа — ведь он вожатый у октябрят. У Топпа теперь есть анкета, а о нас никто не подумал. — И Кийлике стал тереть глаза, словно у него потекли слезы, чего на самом деле не было.

Классная руководительница товарищ Пюкк тоже поняла это.

Она сказала:

— Кийлике, не паясничай. У товарища социолога, когда он пришел в наш класс, больше не было с собой анкет. А на столе в учительской лежит еще целая пачка. Когда урок кончится, пойди возьми там себе и Сихвке.

Теперь я продолжу с того места, когда Кийлике уже сходил в учительскую и принес себе и мне анкеты. Или, еще лучше, я продолжу с того места, когда мы были уже в интернате и читали, что личность заполняющего анкету останется неизвестной, пишите смело, и все, что напишете, будет использовано в научной исследовательской работе для получения ученой степени кандидата педагогических наук.

Возможность остаться неизвестным очень понравилась Кийлике.

— Это действительно важно, что личность заполняющего останется неизвестной, — сказал Кийлике. — А иначе разве осмелишься, например, написать, что преподаватель математики товарищ Кинк задает на дом слишком много.

— Все равно, не стоит рисковать, — сказал Топп. — Они, если захотят, смогут установить автора по почерку.

К этому времени Каур основательно изучил анкету и принялся нас успокаивать:

— Тут и не требуется писать. На каждый вопрос напечатано пять или шесть ответов. От нас не хотят ничего другого, как только подчеркнуть подходящий по нашему мнению ответ.

Затем и мы с Кийлике начали внимательно читать эти вопросы и ответы и подчеркнули, что по национальности мы эстонцы и еще мужского пола. И что у меня нет отдельного помещения для занятий, а у Кийлике есть, потому что, укладывая дома в сарае дрова, он оставил между поленницами пустое место и теперь забирается туда, когда хочет побыть в одиночестве.

Потом еще подчеркнули, что спим на кроватях, что утром зарядку не делаем, что не принимаем участия в мероприятии «Бег ради здоровья» и еще целый ряд ответов, которые я не стану здесь перечислять.

Но когда настала очередь вопроса: «Где и как вы себя совершенствуете?», мы заметили, что составители анкеты отнеслись к своей работе небрежно. Или, как говорит председатель совета дружины Кибуваск, пошли по пути наименьшего сопротивления. Потому что выбор ответов, предназначенных для подчеркивания, был слишком мал.

Кийлике сказал:

— Довольно странно. Здесь для подчеркивания только просмотр фильмов в кино, слушанье лекций в клубе и изучение литературы дома, А я в последнее время больше всего совершенствовался в коридоре под часами. Потому что, по примеру учителя Пюгала, теперь у всех учителей такой обычай, что когда в наказание заставляют стоять, дают в руки какую-нибудь книгу. Так, например, я вчера узнал, что в Америке живут индейцы племени тарахумара, которые могут несколько дней бежать не останавливаясь, и если не свалятся, то и еще дольше. Я сказал:

— И меня удивляет поверхностность составителей анкеты. Как все мы знаем, наш лучший ученик Тимохвкин совершенствует свои знания, стоя в очереди в продуктовом магазине, где он заучивает наизусть французские слова, которые выписаны у него на маленьких листочках. Если развитие торговли ему не помешает, Тимохвкин вскоре выучит второй иностранный язык, а социология об этом и не узнает по вине поверхностности составителей анкеты.

Теперь и Каур взглянул на анкету критически и сказал;

— Со следующим вопросом дело тоже обстоит не лучше. Вы только посмотрите, что они предлагают по поводу плохой успеваемости и предков. — И он ткнул пальцем в то место, где спрашивалось, что делают ваши домашние, когда узнают о вашей неудаче, и для подчеркивания

давалось: утешают, осуждают, прощают, остаются безразличными.

— Очень мило, — рассердился Каур. — Действия, встречающиеся чаще всего, вовсе не указаны. Когда я получаю по математике двойку, мой старик начинает вспоминать свои школьные годы, когда все будто бы учились на пятерки или хотя бы четверки. И я уверен, что у вас дома дело обстоит точно также.

— Разумеется, — кивнул я. И Топп тоже. Но Кийлике покачал головой,

— А у меня нет. Я нашел дома на чердаке стопку отцовских школьных тетрадок и всякий раз достаю оттуда какую-нибудь, как только дело доходит до объяснений.

Но от этого настроение Каура не изменилось, он сказал:

— Значит, ты счастливое исключение. Потому что, как правило, родители своевременно сжигают свои школьные тетрадки и контрольные работы. — И он пообещал сделать так же, когда вырастет.

Теперь я и подошел в своем объяснении к тому месту, когда у нас явилась мысль, что если мы хотим помочь науке и социологии, то нам следует заполнить пробелы и сделать анкету более основательной. И мы стали дописывать дополнительные вопросы и предназначенные для подчеркивания ответы, а для сохранения анонимности пользовались печатными буквами.

«Что вы едите с удовольствием?» — написали мы в анкете и для ответа приложили меню поселковой столовой. И еще добавили любимые кушанья Кийлике — кровяную колбасу и свиные ножки.

«Что вы с удовольствием пьете?» — написали мы еще и указали для ответов все минеральные воды, которые рекламируют по телевизору, когда какая-нибудь интересная передача — поет Яак Йоала или «Гороскоп».

А то, что «Как вы себя чешете?» — это писал один только Кийлике. Я лишь сказал ему, что для ответов можно предложить: о дверной косяк, задней ногой, железными граблями.

Я ведь не думал, что Кийлике возьмет да и впишет на самом деле это в анкету.

Вот я и рассказал честно, как все было, мы вовсе не хотели глупо подшучивать над чужой работой, а тем более над социологией. Вопрос «Сколько у вас жен?» возник оттого, что наука — явление всемирное, и мы подумали, что в дальнейшем эта анкета может попасть в страны Востока, где подобный вопрос не содержит ничего удивительного.

То, что Кийлике взял в учительской анкеты, предназначенные для учителей, — произошло совершенно непреднамеренно, и это недоразумение. Если бы меня и Кийлике не отправили чинить вешалку в

раздевалке (которую мы не ломали), мы бы получили, как и все остальные ребята нашего класса, от товарища социолога анкеты, предназначенные для учащихся.

КАК МЫ СПОСОБСТВОВАЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ВИРУСА ГРИППА

(Объяснительная записка Агу Сихвки школьному врачу)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того, как на сбор нашего отряда пришел товарищ старший пионервожатый и сказал:

— Скоро к нам приедет корреспондент, который хочет написать в газете про работу с октябрятами.

Поскольку мы как раз перед тем обсуждали работу Топпа в качестве вожатого октябрят и признали ее неудовлетворительной, потому что в плане не было ничего, кроме похода «До свиданья, Осень!», который не состоялся, и похода «Здравствуй, Зима!», который тоже не состоялся, у председателя совета отряда Сильви Куллеркупп задрожали руки.

— Вот так всегда, — сказала Куллеркупп с горечью. — Когда наш отряд собрал больше всех металлолома, сюда не явился ни один журналист. Когда наш отряд вырастил тыкву, которая весила 32 килограмма 450 граммов, тоже никто не пришел. Но теперь, стоило Топпу небрежно отнестись к пионерскому заданию, сразу появляются журналисты, и честь отряда может оказаться замаранной.

Старший пионервожатый посочувствовал Куллеркупп. Он сказал:

— Такова жизнь. Несчастья путей не выбирают. Но никогда не стоит отчаиваться. Когда знаешь, что должен прийти контроль или представитель газеты, можно и за короткое время сотворить чудеса. — И ободряюще похлопав Куллеркупп по плечу, старший пионервожатый посоветовал временно поставить весь отряд на работу с октябрятами.

Теперь я пропускаю, что мы так и решили, и Куллер-купп распределила задания: Каур будет пилить с октябрятами фанеру, Крапман складывать из бумаги кораблики, а Топп должен был найти лесника, который знает следы зверей, — и продолжу с того, что мы с Кийлике получили задание научить октябрят кататься на коньках.

Поскольку для катания на коньках нужен скользкий лед, мы тотчас же пошли проверить, как там положение на Банном пруду.

Положение было абсолютно нормальным, это явствует из того, что стоило Кийлике разогнаться, чтобы немножко поскользить, как он сразу же растянулся во весь рост.

Я не засмеялся над несчастьем приятеля, я сказал — Как видно, на скольжение жаловаться не приходится. Для катания на коньках это очень хорошо.

Но Кийлике потирал место, на котором сидят, и кое в чем сомневался.

— Хорошо-то хорошо, но и плохо тоже. Тот, кто еще только учится, может на таком скользком льду упасть и покалечиться.

Тогда мы начали обсуждать, как уберечь октябрят от травм.

Я сказал:

— Может быть, стоит обвязать их подушками. В одном старом журнале под названием «Детская радость» я как-то видел картинку, на которой у мальчишки, учившегося кататься на коньках, одна подушка была привязана на животе, а другая пониже спины.

Кийлике изобразил на лице сомнение и сказал:

— Это, конечно, была шутка ради шутки, что теперь осуждается. Не знаю, где мы возьмем для каждого подушки. А главное — и падая с подушками, можно больно удариться. Мы должны выдумать что-то такое, чтобы они и без падений научились кататься на коньках.

Поскольку ждать было некогда, мы в тот же вечер принялись выдумывать.

— Как утверждает преподаватель математики, — сказал Кийлике, — найти различные решения легче с помощью схемы. Это тут будешь ты, а вот это буду я, а линия, которая соединяет нас, означает, что у нас общее задание.

Мне чертеж Кийлике не понравился. Я сказал:

— Как бы там ни было, у меня не такие большие уши. Хорошенькое дело, мне рисуешь огромные уши, а себе обыкновенные! И где октябрята, которые в этом деле самые важные? Твой чертеж никуда не годится.

Кийлике признал критику правильной:

— Ладно. Исправлю я твои уши, А между нами в срочном порядке набросаю октябрят.

Поскольку мои исправленные уши выглядели даже красивее ушей Кийлике, я больше не сердился и сказал:

— Приступим к анализу чертежа, как делается на уроке математики, когда поезд едет из пункта А в пункт Б. Только сначала скажи мне, почему у этого чертежа лишь одна прямая? Если бы прямых было две, октябрята смогли бы держаться за них двумя руками.

Приступая к решению любой проблемы, никогда не знаешь, что из этого выйдет, сказал знаменитый ученый Ньютон, которому на голову упало яблоко. Так случилось и с нами. Когда Кийлике провел еще вторую прямую, рисунок обрел новое лицо, раскрывая даже без анализа то, что изображено. И Кийлике сказал:

— Да ты только посмотри! Вот и найдено, что нужно! Лучшее учебное пособие для катка — стремянка.

Теперь я и подошел к тому, с чего, по сути дела, следовало бы начать. И объяснил, почему мы отнесли школьный инвентарь на Банный пруд. Здоровье не купишь — гласит старинная пословица, и когда, имея это в виду, мы разместили октябрят по одному между перекладинками и держали стремянку за концы, никто из них сам не мог упасть, а только вместе со мной, Кийлике и всеми другими октябрятами.

Когда октябрята научились уже немножко стоять на коньках, Кийлике сбегал в пионерскую комнату и принес оттуда со шкафа волчью маску. И мы стали играть, что по Банному пруду едет волчий автобус. Все это происходило под завывание Кийлике.

Октябрятам волчий автобус очень понравился. А завывания еще больше. И когда они на следующий день явились на пруд, у каждого из них была собственная маска, правда, все маски были заячьи, потому что в магазине кооператива других масок в продаже не оказалось.

Ребенок учится в процессе игры, пишут в журнале «Семья и школа», и это совершенно верно, потому что вскоре волчий автобус оказался уже не нужен, поскольку октябрята могли сами держаться на ногах. И когда председатель совета отряда Куллеркупп пришла на Банный пруд проверить мою и Кийлике работу, все, кто в этот момент не лежал, разъезжали на коньках по пруду.

Куллеркупп осталась довольна успехами октябрят, и Кийлике решил, что теперь нас сфотографируют на фоне развернутого знамени дружины. Но тут он ошибся, потому что Куллеркупп сказала:

— Хорошо, Сихвка! Хорошо, Кийлике! Но ваша работа еще не закончена. Приезд корреспондента задерживается, поэтому вы должны продолжить свою деятельность на Банном пруду. Поскольку маски у вас уже есть, вы могли бы разучить какое-нибудь представление на льду.

Не страшится трудностей пионер, поется в песне и говорится в речах, и когда председатель совета отряда Куллеркупп ушла, мы стали думать, что бы такое представить.

Кийлике сказал:

— Как объясняли на прошлой неделе по радио, у нас в республике дело

с драматургией обстоит не лучшим образом. Поэтому нечего зря терять время в библиотеке, придется самим заняться творчеством. — И Кийлике пообещал к следующему дню написать пьесу, где в первом действии мать-коза уходит на работу, оставляя дома семерых маленьких козлят, а во втором действии волк съедает их, кроме одного, который спрятался в шифоньере.

Мне план Кийлике не понравился:

— Это у тебя вовсе не самостоятельное творчество, про мать-козу и ее козлят мне читали уже тогда, когда мне было всего пять лет. У меня от этой книжки даже обложка до сих пор сохранилась.

Но Кийлике настаивал на своем.

— Тебе читали сказку, а я напишу пьесу. Это две разные вещи, и это показывает хотя бы то, что мой козленок прячется не в печку, а в шифоньер.

Тут я совсем рассердился:

— Какие же ты, Кийлике, можешь иногда говорить глупости. Коза — и шифоньер?

А как это поставить? Кто притащит этот шифоньер на лед? Что же касается козлят, то у октябрят маски заячьи, у тебя — волчья, у меня — лисья. Где мы возьмем козлиные маски? Надо исходить из имеющихся возможностей.

Тут мы и начали обсуждать, какие у нас имеются возможности. И конечно, пришли к решению, что для представления на лоне природы годится только такая пьеса, для которой не требуется ни комнат, ни шкафов и где действуют только волк, лиса и зайцы.

Чему Васятка научится, то Василий и знает, и это верно. Потому что теперь я вспомнил одну народную сказку из хрестоматии для пятого класса, в которой говорилось о крестьянине, едущем с возом рыбы, и о лисе, скинувшей рыбу с воза и потом раздразнившей рыбой волка.

Я сказал:

— Знаешь, Кийлике, все в порядке, как в школьной тетрадке! Помнишь ли ты еще ту сказку из хрестоматии, за пересказ которой тебя в пятом классе чуть не оставили на второй год? Я буду лисицей, которая ворует у крестьянина рыбу, ты будешь волком, который тоже хочет рыбки и по совету лисы сует хвост в прорубь. А октябрята будут зайцами, которые, когда хвост волка примерзнет, танцуют вокруг него вальс на коньках, показывая всем, чему они научились с помощью своих старших товарищей и шефов Сихвки и Кийлике.

Вот теперь я и рассказал все, как было. И что председатель совета отряда Куллеркупп велела устроить представление. И что со стороны

Кийлике поступило предложение поставить «Семеро козлят», которое не прошло, потому что мы сочли, что лучше пусть волк ловит рыбу.

Хороший спектакль рождается в муках, пишут в газетах, и это абсолютная правда. Потому что у кого не мерзли пальцы на руках — мерзли на ногах, а мне даже, когда рубили прорубь, залетел осколочек льда в глаз и саднил там, пока не растаял.

Но когда мы уже провели несколько репетиций, мне вдруг стало казаться, что чего-то не хватает. И может случиться так, как иной раз в театре, что спектакль есть, а искусства нет. И конечно, я стал думать, чего же не хватает, и поскольку я раздумывал так и этак, мне вспомнилось, как один раз учительница эстонского языка рассказывала о великих драматургах, у которых играет всякая вещь, находящаяся на сцене, и когда мы не поняли, она привела такой пример, что если в первом действии на стене висит ружье, то в хорошем спектакле оно до конца представления должно выстрелить.

И когда вспомнилась эта история с ружьем, меня озарило, я понял, чего нам не хватает. И я сказал:

— Послушай, Кийлике. Мы нарушили правила драматургии. Если на сцене прорубь, то в ходе спектакля кто-то непременно должен туда плюхнуться.

И вот теперь действительно все написано, как было. И что октябрята с помощью волчьего автобуса учились кататься на коньках, а председатель совета отряда Куллеркупп требовала спектакля. И мы разучили его, и затем прибыла корреспондентка из газеты, которой показали сначала выпиленных из фанеры петушков (руководитель Каур), затем бумажные кораблики (руководитель Крапман), затем следы на снегу (ответственный Топп) и так далее, пока наконец не пришла очередь нашего спектакля.

Сначала все шло по плану На Банном пруду был устроен лес из отслуживших свое новогодних елок. И Обукакк, который хорошо подражает всяким голосам, ржал за елками, дескать, крестьянин едет. А я в роли лисицы поехал на коньках посмотреть. И вернулся с рыбой, которую играла нототения холодного копчения.

Но затем, когда волк-Кийлике подъехал с вопросом, где я взял рыбу, и я сказал, что в проруби, и волк-Кийлике отправился тоже ловить, случилось так, что левый конек Кийлике зацепился за правый и, вопреки нашему намерению, он не смог сунуть в прорубь один только хвост, а плюхнулся в воду весь целиком, Правду, правду, только правду, — сказал один знаменитый человек, хотя не помню кто, и честное пионерское, никто из нас не мог ожидать от корреспондентки такой прыти, что она вскочит и

бросится Кийлике на помощь.

Ведь с Кийлике-то ничего плохого не случилось, поскольку он стоял ногами на дне и в соответствии с правилами драматургии все равно через несколько минут прыгнул бы в прорубь, для чего заблаговременно надел под костюм волка шерстяное белье и резиновый костюм брата Обукакка.

Если мы в чем и виноваты, то только в том, что прорубь сделали слишком большой, дав этим возможность товарищу корреспондентке, бросившейся на помощь, в ходе спасательных работ тоже свалиться в воду, Теперь я исчерпывающе объяснил, как все было, и рассказал, что мы хотели только хорошего. В настоящем театре то и дело закалывают и отравляют главных действующих лиц, и что было бы, если бы мы все из зала начали бросаться им на помощь. Если бы корреспондентка из газеты не упустила это из виду, она бы не промокла, что повлекло за собой заболевание гриппом.

«Если в спектакле есть ружье, оно должно выстрелить», — сказала учительница эстонского языка, из чего мы сделали вывод, что если есть прорубь, туда должен кто-то упасть. Двух падений в прорубь искусство не требует, да у нас так и не было задумано.

Председатель совета отряда Куллеркупп сказала:

«Устройте представление!», и вот что получилось.

И нас не сфотографировали у знамени дружины.

КАК Я СОРВАЛ ЮБИЛЕЙНЫЙ КОНЦЕРТ

(Объяснительная записка Агу Сихвки руководителю оркестра)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать совсем издалека, а именно с того урока эстонского языка в шестом классе, когда учительница товарищ Корп объявила:

— К послезавтрашнему дню все должны написать домашнее сочинение. Чтобы обрадовать вас, позволяю писать на вольную тему.

Как известно, домашние сочинения пишут в каждом классе. Но обычно на какую-нибудь определенную тему, например «Как я провел летние каникулы» или «Как я помогаю маме по хозяйству». На вольную тему мы еще никогда не писали, поэтому слова учительницы вызвали замешательство.

— Не умею я выбирать вольную тему, — сказал Кийлике.

— Откуда мне знать, какая вольная тема самая лучшая? — заворчал Топп, А Каур спросил, может, эта тема настолько вольная, что можно вообще ничего не писать? Слова Каура рассердили учительницу.

— Что же получается? Хочешь сделать добро, и вот тебе благодарность. Ладно, сочинение на вольную тему я отменяю. К послезавтрашнему дню напишете сочинение на тему «Моя дорога в школу». — А когда в классе возник шумок, добавила: — Если кому-нибудь хочется еще что-то сказать, прошу к доске.

Заодно спрошу и склонения.

Тут уж никто ничего не захотел больше говорить, потому что склонения, как уже видно из названия, нечто неопределенное — ведь в эстонском языке четырнадцать падежей, и никто не знает, до чего можно досклоняться. Лишь после того как прозвенел звонок и учительница вышла из класса, все принялись обвинять Каура.

— Вольная тема все же лучше, — сказала председатель совета отряда Сильви Куллеркупп. — Меня обычно в школу привозит отец на машине. Что об этом напишешь?

— Мне до школы только сто метров, — сказала соседка Куллеркупп по парте, которая живет рядом со школой. — Об этом ничего не напишешь.

А новый ученик Обукакк захныкал:

— Если бы осталась вольная тема, я смог бы переписать любое прошлогоднее сочинение. А что мне теперь делать? О дороге в школу мы в прошлом году не писали.

Когда уроки кончились и мы с Кийлике пошли домой, потому что интернат из-за аварии печной трубы был закрыт на две недели, мы принялись обсуждать между собой вопрос об этом сочинении. Кийлике сказал:

— Я придумал, что написать: «В семь часов утра я начинаю шагать». И затем дальше три тысячи девятьсот раз, что шагаю, шагаю, шагаю, шагаю. Поскольку это слово я пишу без ошибок, учительница может порадоваться, что на Кийлике не придется расходовать красные чернила.

Я сказал:

— Я тоже думаю, что это ее приятно обрадует. Но поскольку два одинаковых сочинения писать не рекомендуется, мне придется придумать что-нибудь другое. Я лучше напишу про тех, кого встречаю утром по пути в школу. — И сообщил, что сегодня утром мне попался навстречу поселковый портной Ойнас.

Кийлике не одобрил мой план.

— Об Ойнасе нельзя писать в сочинении. Тогда придется написать, что он шьет такие узкие пальто, которые удается натянуть, лишь насыпав в рукава тальк.

А это может рассердить учительницу — ведь портной Ойнас ее родственник.

Кийлике посоветовал мне написать лучше о том, какие мысли бродят у меня в голове, когда я иду в школу.

Дома я начал думать, какие же мысли бродят у меня в голове, когда я иду в школу. И нет ли среди них такой мысли, что если ее записать, то получится целое сочинение. Но ни одной длинной мысли я не смог вспомнить, и даже ни одной короткой — эти мысли вообще такая вещь, что, когда не надо, их много разных приходит в голову, но когда надо — ни одной.

Поскольку сочинение все-таки было необходимо написать, я отбросил мысли в сторону и написал о том, что расположено вдоль дороги в школу. Но как потом выяснилось, это была ошибка, потому что когда я получил сочинение обратно, там не было никакой оценки. И у Кийлике тоже. А это означало, что нам придется написать сочинение заново.

— Я не просила отчета о стогах сена, — сказала учительница мне, а что она сказала Кийлике, я не знаю, потому что это происходило в учительской,

и Кийлике отказался рассказать, о чем они говорили.

— Когда идешь в школу и из школы, держи глаза пошире раскрытыми и не сдерживай полета фантазии, — велела мне учительница, а что она велела Кийлике — неизвестно, потому что подсматривать в замочную скважину нехорошо, и к тому же хоть глаз и видит кое-что, все равно ничего не слышно.

Когда уроки кончились, мы с Кийлике продолжили обсуждение проблемы сочинения. Я сказал:

— Я целиком согласен с тем, что по дороге следует держать глаза раскрытыми.

С закрытыми глазами никто и до места не дойдет, если, конечно, нет поводыря. Но как должна летать моя фантазия, этого я не понял. Насколько мне известно, летают только птицы и летательные аппараты.

Но Кийлике засмеялся:

— Тут же нет никакого искусства. — И привел пример: если мне попадется навстречу собака с одним хвостом, а я напишу, что она была с двумя хвостами, это и значит, что у меня имеется полет фантазии.

От слов Кийлике мое настроение не улучшилось, Я сказал:

— Как же, жди, попадется какая-нибудь собака навстречу, когда она нужна.

Держу пари, что сегодня по дороге домой мы не увидим ни одного животного. — Но тут я ошибся, потому что, спускаясь с холма, мы увидели лошадь, которая тащила сани и трусила как раз в ту сторону, куда направлялись и мы.

Для ясности я должен отметить, что, поскольку Кийлике недавно начал переоборудовать свои финские санки в буер, мы ехали вдвоем на моих финских санках: один стоял на одном, другой на другом полозе, а сидение санок было занято трубой баса «бе», которую в симфоническом оркестре называют «тубой».

Увидев лошадь, я тут же подумал, нельзя ли использовать ее вместо паровоза, потому что полозья санок скользили плохо, а Кийлике ленился получше отталкиваться. И поскольку учитель химии говорит, что эксперимент — самая лучшая форма получения знаний, мы со всех ног помчались вперед, догнали лошадь и зацепили конец веревки, которой была привязана труба, за спинку саней.

Лошадь не обратила на это ни малейшего внимания, и возница тоже, что было вполне естественно, ибо по всем признакам он пребывал в состоянии сна.

Как всем известно, от подножья холма до моего и Кийлике дома еще

больше двух километров, поэтому я был рад возможности проехаться на буксире и сказал:

— Уж теперь, Кийлике, ты обязан сказать мне спасибо. Так легко ты никогда раньше домой не добирался. Но Кийлике не сказал мне спасибо.

— Уж если кататься, то с ветерком, — ответил Кийлике. Он считал, что впряженная в сани лошадь могла бы развить большую скорость.

Тут-то мы и стали думать, как бы прибавить газу или, как говорили в старину, — приделать лошади ноги. Я сказал:

— Самый простой способ — огреть ее кнутом. Если ты выдернешь кнут из-под возницы, я могу взять это на себя.

Кийлике не захотел рисковать.

— Есть и другие способы увеличить скорость, — сказал Кийлике. — Как я читал, в старину, чтобы погнать лошадь быстрее, почтальоны трубили в рожок.

Если бы твоя фантазия хоть чуть-чуть летала, как советует учительница эстонского языка, ты бы уже давно взял с них пример. Мне упрек Кийлике не понравился:

— Почтальоны в старину трубили в рожок, а у нас труба. Если бы они таскали с собой трубу, то куда бы они сажали пассажиров?

Но Кийлике, как известно, совсем лишен музыкальных способностей и потому не понял разницы между рожком и трубой.

— Рожок или труба — все одно, — сказал Кийлике. — Тебе что, не интересно узнать, как подействует труба на скорость лошади?

Пионер всегда и везде говорит только правду, и поэтому я должен признаться, что мне действительно было интересно, как подействует труба на лошадь. И поскольку мундштук на уровне моего лица как раз высовывался из-под брезента, в который труба была завернута, я продудел в него контроктаву «ре», которую исполняют, нажав на первый и третий клапаны.

Теперь я и подошел к тому, что хотел объяснить. Ведь сама учительница сказала, чтобы я не сдерживал полета фантазии, вот я и не сдерживал.

Контроктава еще не успела прозвучать, а уж лошадь рванула вперед так, что снег прямо брызнул у нее из-под копыт. Первым полетел в сугроб Кийлике, затем я, и сразу же после нас завалились на бок финские санки с трубой, издававшей громкое бренчание, отчего лошадь мчалась еще шибче.

— Можешь распрощаться со своими санками и школьной трубой, — сказал Кийлике, когда прочистил от снега свой рот и глаза. — Эта лошадь разовьет теперь такую скорость, что скоро будет в Вильянди вместе с трубой.

Но тут он ошибся, потому что метров через четыреста мы нашли ручку от санок, затем трубку, через которую трубачи выливают воду из инструмента, потом полозья и, наконец, сидение санок с оставшимися частями трубы.

Теперь я честно все рассказал и объяснил, что у нас не было намерения срывать юбилейный концерт оркестра, в чем обвинил нас позже руководитель оркестра, ученик восьмого класса Хансон. Я, со своей стороны, хотел сделать все от меня зависящее, чтобы концерт прошел успешно, для чего и взял домой трубу, чтобы поупражняться.

«Хочу все знать!» — гласит лозунг в школе на стене. И я хотел, и вот что из этого вышло. Теперь у нас с Кийлике имеется целых две пары полозьев, из которых можно соорудить буера.

Руководитель оркестра Хансон распорядился, чтобы я отнес остатки трубы к жестянщику Руубелю, где выяснилось, что ни одна беда не столь уж ужасна, как кажется сначала. Если труба не будет давать бас «бе», мастер немного уменьшит ее, и тогда будет тенор или баритон.

КАК Я ОПОЗОРИЛ ДОБРОЕ ИМЯ ШКОЛЫ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того большого снегопада, который начался во время урока эстонского языка, когда мы изучали аффиксы «ги» и «ки». Общеизвестно, что весной порядочный снегопад бывает редко, поэтому все уставились в окно. А Топп, отвечавший у доски, и подавно, потому что, благодаря его стоячему положению, возможность обзора у него была больше, чем у всех остальных.

Такое поведение класса изумило учительницу товарищ Корп и она спросила:

— Что вы так старательно высматриваете там во дворе? На это Топп ответил:

— Мы смотрим, как снег идет. А Кийлике добавил:

— Мы смотрим, что этот снег, пожалуй, хорошо лепится.

И Каур сказал:

— Нам вспомнился учитель Лаур из книги «Весна», который, если был большой снегопад, всегда ходил с учениками на поляну за школой устраивать снежный бой.

Заслышав про учителя Лаура, учительница Корп встала и тоже посмотрела в окно на двор.

— Действительно, хороший снег. Как тогда, когда я еще была молодой, — сказала учительница Корп, повернувшись затем к классу. — Но что касается учителя Лаура, то ему каждый понедельник не приходилось заседать после уроков, потому что он не был, как я, депутатом сельсовета и членом правления общества книголюбов. И ученикам его не нужно было после последнего урока мчаться на автобус. Кто хочет при нынешнем стремительном темпе жизни еще и в снежки поиграть, тот должен использовать перемены.

Теперь я пропущу, как сразу же после слов учительницы, товарищ Корп, прозвенел звонок, и как мы ринулись во двор, потому что ведь учительница сказала, что перемены надо использовать, и как сперва мы с Кийлике были

десантниками и атаковали Каура и Топпа, и как потом были они и атаковали нас, и для экономии места продолжу с того момента, когда после звонка на урок и я, и Топп, и Кийлике и вообще все уже премиленько сидели на своих партах, только Каур еще не сидел, потому что он вошел в класс самым последним — на рукаве его вытянутой левой руки лежали шесть снежков.

Появление Каура в классе в таком вооруженном виде вызвало у нас удивление.

Я сказал:

— Слышь, Каур, кидаться снежками в помещении школы воспрещается. И ведь мы заключили перемирие до следующей перемены.

Кийлике предупредил:

— Учительнице математики товарищ Кинк точно не понравится, если во время урока начнут летать снежки.

Но Каур в ответ только засмеялся и выложил снежки в ряд на парту, сообщив при этом, что он и не думал кидать их во время урока. Он приготовил снежки для следующей перемены, чтобы, выбегая во двор, сразу же взять с собой.

Причем он пообещал отдать два снежка Топпу, который, как я уже сказал, был его союзником, Нам с Кийлике речь Каура не понравилась. Как можно читать в газетах и слышать по радио, всюду в мире борются за то, чтобы в вооружении царило равновесие. И когда одни наращивают вооружение, другие вынуждены делать то же самое, потому что этого требуют интересы мира. Одностороннего вооружения народы мира не допустят. И мы с Кийлике тоже.

Я сказал:

— Знаешь, Каур, по поводу твоих шести снежков я, как бы там ни было, заявляю протест. Это дело может плохо обернуться. Поскольку нам нечем ответить на твои снаряды, ты во время урока можешь не совладать с искушением и запустить одним — двумя снежками. Но что тогда подумает учительница математики товарищ Кинк, и что из этого в конце концов выйдет, можешь и сам сообразить. Поэтому: или из шести снежков отдашь три нам, или выбросишь все за окно, во двор.

Мой протест заставил Каура серьезно задуматься, ибо, как общеизвестно, в нашей школе тем, кто нарушает порядок на уроке математики, задают дополнительные задачки на дом. С одной стороны, Каур не мог с этим не посчитаться, поскольку у него были недоразумения с процентами. Но, с другой стороны, ему было жаль отдавать нам три снежка, не говоря уже о том, чтобы выбросить все шесть во двор.

— Сделаем лучше так: положим снежки временно на нейтральную территорию, — предложил Каур. — Тогда ни у кого не может возникнуть искушения.

Жизненный опыт учит, что самая нейтральная территория в классе — район учительского стола, а лучше всего — сам учительский стол, потому что, по крайней мере во время урока, никто взять оттуда снежки не сможет. Поэтому Каур и Топп положили все шесть снежков в пустой ящик учительского стола. Но когда дело было сделано, а учительница, товарищ Кинк, все не шла, мы принялись обсуждать, долго ли продержатся там, в ящике, эти снежки. И поскольку мнения были разные, разгорелся спор.

Я сказал:

— Если вспомнить, с какой быстротой таял комок снега, который вчера запихнули мне за ворот, можно утверждать, что снежки Каура тоже вскоре превратятся просто в воду.

Кийлике сказал:

— Присоединяюсь к предыдущему оратору. Но теперь, конечно, воды будет больше.

Однако Каур возражал:

— Одно дело — сунуть снег за шиворот, другое — положить в ящик учительского стола. Всем известно, что человеческое тело выделяет тепло, а ящик учительского стола никакого тепла не выделяет. И прошу учесть, что у меня снежки слеплены не крепко.

Смысл последнего заявления Каура мы с Кийлике не поняли.

Я сказал:

— Слышь, Каур, не пудри мозги. В данном случае не имеет никакого значения — рыхлый снежок или крепкий. Это существенно, когда кидаешь снежком в кого-нибудь, да и то лишь в случае, если попадешь.

Но Каур остался верен себе:

— Лучше сам пошевели мозгами. Плотность снежка важна и при таянии. Мягкому снежку теплота не так страшна. — И он велел вспомнить ту страницу учебника естествознания, на которой картинка с дымящей печной трубой и рядом дано пояснение, что мягкие, пушистые материалы, вроде меха, ваты и шерсти, особенно плохо проводят тепло.

Я никак не мог вспомнить эту картинку с дымящей печной трубой и пояснение к ней, а Кийлике, у которого в первой четверти оценка по естествознанию была на балл ниже моей, и подавно.

— Знаешь, Каур, — сказал Кийлике. — Что касается меха, шерсти и ваты, то из-за отсутствия этих материалов вопрос пока останется открытым. Но поскольку нехватки снега сейчас не ощущается, проверим

твои слова на практике. — И он внес предложение, слепить один из снежков Каура покрепче, положить рядом с мягким снежком и тогда поглядеть, какой быстрее растает.

Но когда Тимохвкин сжал один из снежков покрепче и Кийлике положил этот снежок вместе с несжатым на край доски, чтобы все могли видеть, как они будут таять, у меня возникла мысль, что это все же не самое лучшее место для эксперимента. Ведь если кого-нибудь вызовут к доске решать задачку, он при этом загородит снежки. А при проведении опыта это нежелательно. К тому же учительница может сразу заметить снежки и потребовать, чтобы их убрали.

И тогда эксперимент вообще сорвется. Вот я и внес предложение: чтобы обзор был обеспечен всем наверняка и для безопасности эксперимента, поместить как крепкий, так и мягкий снежок на абажур висящей под потолком лампы.

Теперь я и рассказал честно, как все было. И что снег валил, и что учительница эстонского языка товарищ Корп посоветовала вести снежный бой во время перемены, и что Каур пришел в класс со снежками, а это-то и вызвало спор, какой снежок растает быстрее, тот, что крепче слеплен, или рыхлый, и что Кийлике предложил проверить на опыте, соответствует ли скорость таяния рыхлого снежка пояснению в учебнике насчет пушистых материалов.

«Никогда не оставляйте ни один вопрос без поисков ответа на него», — говорит преподавательница естествознания товарищ Пюкк. Этим я и руководствовался, когда клал крепкий и мягкий снежки на абажур лампы. А что вместе с учительницей математики к нам на урок придет и товарищ инспектор из Министерства просвещения и что он к тому же среди бела дня включит освещение, этого вообще никто не мог предвидеть.

«Экономьте электроэнергию!» — пишут в газетах и говорят по радио и телевидению. И это правильно. Если бы товарищ инспектор среди бела дня не включил электричество, мягкий снежок не стал бы так быстро таять и не упал бы товарищу инспектору на голову. А крепкий снежок не упал бы на учительницу математики, товарищ Кинк, которая бросилась на помощь гостю.

«Используйте свои перемены», — сказала нам учительница эстонского языка, товарищ Корп, и мы использовали. «Исследуйте тайны природы», — говорит учительница естествознания, товарищ Пюкк, мы и исследовали. У нас и в мыслях не было позорить доброе имя школы.

Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает — гласит старинная пословица. И это верно.

ПОЧЕМУ Я ОТСУТСТВОВАЛ НА ПЕРВОМ УРОКЕ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того утра, когда Обукакк принес в школу привезенный братом из-за границы особый секундомер, который показывал время с точностью до сотых долей секунды, как и требуется теперь в спорте. «В здоровом теле — здоровый дух!» — гласит лозунг на стене спортзала, и поскольку до начала уроков еще оставалось время, у меня возникла мысль использовать точные часы Обукакка для установления какого-нибудь нового рекорда класса. Перво-наперво мы замерили, кто сможет дольше всех задержать дыхание, — это было предложение Топпа. Затем соревновались, кто дольше всех простоит на голове. Наконец провели соревнование «шесть метров на четвереньках», в котором победил Каур, а Кийлике порвал штаны на коленке.

Продранная брючина заметно охладила интерес Кийлике к спорту.

— Странное дело, — сказал Кийлике. — Погоня за рекордами — вот, что вас всех захватило, а никто не подумал о том, что лучше было бы использовать хронометр Обукакка в интересах учебы. — И он напомнил нам задачку по физике, где спрашивалось, за какое время свободно падающее тело пролетит полтора метра.

Поскольку подоконники в нашем классе как раз в полутора метрах от пола, искать другое место для проведения опыта не требовалось. Сперва свободно падающим телом был я, затем Каур и Кийлике. А Обукакк был хронометристом, но секундомер почему-то каждый раз показывал разное время.

Это вызвало у нас недоумение.

— Халтурный хронометр, — сердито сказал Кийлике.

— Может быть, дело в том, что падение было не совсем свободным? — считал Каур. — Меня, во всяком случае, немного подтолкнули.

А Топп полагал, что в учебнике физики допущена ошибка, и внес предложение проверить это за школой в песчаном карьере, где возможности для свободного падения должны быть лучше.

Вот я и рассказал, с чего все началось. И почему мы пошли на край

песчаного карьера. «Если в задачке останется что-нибудь непонятное, ваше дело выяснить это», — всегда говорит учительница математики, чем мы и руководствуемся.

В песчаном карьере свободное падение, конечно же, пошло гораздо лучше, потому что само падение длилось гораздо дольше, а удар был гораздо мягче, поскольку ноги погружались в рыхлый песок. Но когда прозвенел звонок на урок и мы хотели было побежать к школе, Кийлике вдруг сказал:

— А пустят ли нас с такими грязными копытами на урок?

— Председатель совета отряда Куллеркупп, учитывая проходящую сейчас неделю порядка и чистоты, может упасть в обморок, — опасался Каур.

А Топп сказал:

— Самое худшее — плохой пример октябрятам! — И он считал, что мы должны пожертвовать первым уроком, но вымыться и почиститься.

Теперь я и подошел к тому, с чего можно было бы начать, и разъяснил, что мы пошли к Банному пруду не время проводить и не для шалостей, а мыть ноги, которые были все в песке и глине в результате изучения свободного падения тела.

Возле плотины Банного пруда мы увидели две лодки из фанеры. У них лишь носы были вытащены на сушу, а большая часть корпуса и корма оставались в воде.

Поскольку раньше здесь никогда лодок не было, дело показалось мне странным.

Я сказал:

— Интересно… Как все знают, в этом пруду не водится ничего, кроме лягушек и водяных жуков. А их можно ловить и с берега. Спрашивается: для чего сюда притащили лодки?

Другие тоже удивились.

— Лодки могли привезти сюда, чтобы обучать школьников гребле, — предположил Каур. И напомнил рассказ учительницы английского языка о школах в Англии, где соревнования по гребле обычное дело.

Но Кауру никто не поверил.

— Да сейчас ни одна школа в Эстонии не проводит соревнований по гребле, — сказал Кийлике. — У нас соревнуются, кто соберет больше макулатуры, а в конце четверти еще в том, у кого меньше двоек.

— Может быть, просто хотели проверить, не пропускают ли лодки воду, — считал Топп. Но Кийлике сказал:

— Как бы там ни было, мы не должны упускать хорошую

возможность. — И он опять напомнил про учебник физики, на сей раз ту страницу, где нарисованы лодки и силы, которые их толкают.

Тогда я тоже вспомнил насчет этих сил. И как учительница говорила, что если с разбега прыгнуть в лодку, она тотчас же отплывет от берега, показывая этим воздействие инерции. Я сказал:

— Как всегда напоминает нам наш директор: повторение — мать учения. Имея это в виду, было бы сейчас глупо не проверить на практике утверждение насчет инерции. — И я тут же прыгнул в первую лодку, которая дернулась кормой вниз и сразу же поплыла на середину пруда. А Топп прыгнул во вторую, которая сделала точно так же. А Кийлике грозил кулаком и бегал вокруг пруда, жутко возмущаясь, что не может принять участия в эксперименте.

Теперь я и рассказал все, как было, и что не было ни беспричинного отсутствия на уроке, ни хулиганничанья У пруда. «Приходи в родную школу только с чистыми руками», — говорит товарищ Тикерпуу — школьный врач, из чего мы сделали вывод, что и с грязными ногами нельзя приходить.

Поскольку Кийлике все требовал, чтобы его тоже взяли в лодку, я попытался с носа своей лодки толкнуть ногой в корму лодку Топпа, чтобы она подплыла к берегу в том месте, где стоял Кийлике, но от этого лодки поплыли в разные стороны, а я ведь стоял одной ногой на носу своей лодки, а другой — на корме лодки Топпа, и когда лодки разъехались так далеко, что ноги больше не растягивались, я полетел между лодок в воду, которая была глубиной по грудь и к тому же холодная.

После кораблекрушения мне удалось быстро выбраться на берег, и я хотел выкрутить штаны, куртку и другие личные вещи, но Кийлике сказал, что нет, нет, нет, ты, Сихвка, совсем не думаешь о своем здоровье, а ведь здоровье — самое дорогое достояние человека. И он посоветовал высушить одежду в школьной теплице, где температура воздуха гораздо выше, а ветра, вызывающего простуду, гораздо меньше.

В теплице все трубы были горячими и тепла для сушки одежды было более чем достаточно. Кийлике задавался:

— А что я сказал! Жарко, как в банной парилке. Теперь быстро мокрую одежду на радиаторы. Поскольку отопление теплицы идет автоматически из школьной котельной, не приходится опасаться, что сейчас, во время урока, кто-нибудь придет сюда топить печку.

Но тут Кийлике ошибся, потому что едва я успел снять всю свою мокрую одежду, как открылась дверь школы и оттуда повалили парами, держась за руки, малыши, а вслед за ними вышла учительница Метс,

которая объявила на весь двор:

— Дети, дети! Это будет наше путешествие в лето! Как всякому ясно, в апреле месяце в Эстонии до настоящего лета еще далеко, поэтому у меня сразу же возникло подозрение, что теперь они, наверное, направятся в теплицу, и точно так оно и случилось.

Первые из малышей уже были перед дверью теплицы и совсем не обращали внимания на слова учительницы, которая кричала:

— Дети, погодите! Я прежде расскажу об огурце! Я прежде расскажу о помидоре!

Кийлике, Топп и Каур были одеты и смогли свободно удрать через залатанный фанерой квадрат остекления. И тогда у меня возникла мысль, что, если учеников второго класса привели смотреть на ранние огурцы, то, естественно, им не обязательно видеть голого, как огурец, ученика шестого класса Сихвку.

И поскольку бочка с водой для поливки стояла тут же рядом, я забрался в нее. А чтобы голова не была видна, пригнул несколько огуречных стеблей и накрыл ими бочку.

Вот я и рассказал совершенно честно все, как было, и что не было лени и уклонения от учебы, а просто сначала интерес к физике, потом необходимость просушить мокрую одежду. Ранний овощ я не срывал, а лишь пригнул вместе со стеблем. Если несколько огурцов при этом оборвалось, то это случилось из-за того, что они плохо держались на несущем стебле.

Теперь я действительно все рассказал, как было, и доказал, что мы отсутствовали на уроке не из-за шалостей или лени, «Используйте каждую минуту для совершенствования своих знаний», — призывает нас учительница естествознания товарищ Пюкк, что мы и делали. «Повторенье — мать ученья», — подчеркивает товарищ директор, чем мы и руководствовались.

КАК МЫ ДРЕССИРОВАЛИ ПЧЕЛ

(Из дневника пионера Агу Сихвка)

На дворе — весна. Недавно ко мне и Юхану Кийлике подошла председатель совета отряда Сильви Куллеркупп и сказала: «Юхан и Агу, у всех пионеров есть пионерские поручения, а у вас нет». И предложила нам стать тимуровцами.

Прошлой осенью у нас с Кийлике было поручение: мы помогали коллективу детской библиотеки, но весною библиотеку закрыли на ремонт и помогать стало некому. Пионер не боится работы! Мы с Кийлике не стали возражать против нового поручения.

Я сказал:

— Подавай команду! Мы всегда готовы! Юхан Кийлике добавил:

— Только покажи, за что взяться!

Мы с Кийлике были уверены, что Сильви не сможет показать, за что взяться, ведь каждому известно: тимуровцев в несколько раз больше, чем тех, кому нужна помощь. Но на этот раз мы с Кийлике ошиблись, это стало яснее ясного в тот же день. После уроков Сильви Куллеркупп отвела нас в дом, который стоит в глубине двора. Какой-то женщине понадобилось пойти в парикмахерскую делать прическу, и мы с Кийлике должны были целых два часа присматривать за ребенком. Ребенку было четыре года.

У меня есть младшие братья, а значит, — больше жизненного опыта. Я сказал Кийлике:

— Сначала дежурным офицером будешь ты.

И я посоветовал ему перво-наперво проверить, нет ли где-нибудь на виду ножниц, — наш подшефный младенец может по глупости воткнуть их в электрический штепсель. Именно так сделал мой младший брат Пээтер.

Ножниц не было видно.

— Теперь посмотри, не валяется ли где-нибудь наперсток, — продолжал я учить Юхана Кийлике. — Подшефный младенец может его проглотить.

Наперстка тоже не видно было.

Мы успокоились и уселись перед телевизором смотреть детскую передачу, мать подшефного младенца разрешила нам это.

Для детей показывали фильм о черном континенте, где живут негры,

они бьют в барабаны по названию тамтам, а в реках полно крокодилов. Нам с Кийлике передача очень понравилась, и нашему подшефному младенцу тоже. Скоро это стало яснее ясного: под влиянием фильма младенец пошел на кухню, взял пустую кастрюлю и начал барабанить.

Алюминиевая посуда не бьется, и мы не стали мешать ребенку. Откуда было нам наперед знать, что еще через минутку он подбежит к плите, схватит чугунный круг и наденет себе на шею. Но подшефный ребенок поступил именно так!

Конечно, у нас мигом пропала всякая охота смотреть телевизор. Я сказал Юхану Кийлике:

— Мы ведь уговорились, что ты будешь дежурным офицером! А теперь по твоей вине случилась беда у ребенка, испачкан ворот рубашки.

Кийлике возразил:

— Никакая это не беда. Сажу ничего не стоит смахнуть щеткой.

Мы хотели снять с головы ребенка круг от прогара, чтобы вычистить рубашку, но круг никак не снимался. Мы с Кийлике хотели применить физическую силу, только из этого ничего не вышло: наш подшефный младенец начинал вопить.

Нам доверили мальчика без круга на шее, и каждому ясно, что мы должны были вернуть ребенка в том же самом виде. Мы с Кийлике стали обдумывать, как бы снять круг.

Я спросил:

— Интересно, как снимают свои круги негры? Ты никогда не читал про такое?

Кийлике не читал, но у него на этот счет было собственное мнение.

— Негры и не снимают кругов с шеи, — сказал Кийлике, — чтобы не украли. В джунглях шейные обручи наверняка стоят бешеных денег.

Нам с Кийлике стало ясно, что черный континент нам не поможет, у нас нет никакой надежды получить оттуда добрый совет. И мы не на шутку приуныли. К счастью, Кийлике случайно выглянул в окно и увидел нашего одноклассника Тимошкина, он как раз шел мимо.

Две головы — хорошо, а три — лучше! Кийлике распахнул окно и спросил Тимошкина, не знает ли он, отчего круг от плиты на голову наделся, а обратно не снимается? Для наглядности мы показали ему вещественное доказательство.

— Проще пареной репы! — ответил Тимошкин. — Все тела имеют свойство расширяться при нагревании…

Так вот в чем дело! Наш подшефный ребенок до того распарился от битья в барабан, что голова его увеличилась в объеме — потому круг и не

снимается.

Мы с Кийлике сразу вспомнили, как учитель по физике продевал в круг железное яйцо на цепочке, держал под яйцом зажженную спичку, и оно уже не пролезало обратно. Мы не стали больше задерживать Тимошкина, Я сказал:

— Если от разогревания голова расширилась, то от охлаждения она должна сузиться.

Кийлике согласился:

— Это ясно как белый день! Лучше всего охлаждает лед, только ведь весною его и за деньги не купишь. Мы нашли полотенце под кухонным краном. Но охладить голову подшефного младенца не успели, потому что два часа уже прошло и его мама вернулась домой. Ни о каких законах физики она не хотела и слышать. Она призвала на помощь силы небесные, но ждать их не стала, подхватила ребенка вместе с кругом на шее и побежала к знакомому слесарю.

Перед тем как умчаться, она сказала, что расскажет обо всем председателю совета отряда Сильви Куллеркупп, а уж та нам спуску не даст! У меня сразу испортилось настроение.

— Теперь нам начнут каждый день читать нотации, — сказал я. — Станут называть горе-тимуровцами. Но Кийлике меня успокоил:

— Имя человека не портит. Да мы тут и ни при чем. Во всем виноват телевизор. Когда показывают такие фильмы, пусть предупреждают, что детям до шести лет смотреть запрещено.

Наше настроение снова улучшилось, мы решили оставаться тимуровцами и дальше. А для этого, ясное дело, надо было срочно найти кого-нибудь такого, кому нужна помощь.

Я не стану рассказывать, как мы ехали домой на автобусе — весной никому не хочется жить в интернате — и как случайно услышали разговор двух стариков из нашей деревни. Оказывается, городской трубочист не желает приезжать в деревню, а старикам самим на крышу не залезть, голова кружится. Не стану я рассказывать и о том, как под влиянием этого разговора мы с Кийлике встретились в субботу вечером позади живой еловой изгороди, которая растет возле дома старика Михкеля Пяртсу, как мы выждали подходящий момент и залезли на крышу. Расскажу только, что было дальше. Мы спустили в трубу Михкеля Пяртсу привязанные к веревке голики — Юхан Кийлике принес их с собою — и вот тут-то случилась беда, та самая, которая входит в дверь без стука Больше мы не видели нашего приспособления для чистки трубы! Обратно вытянули только пустую веревку.

Разумеется, мы с Кийлике до смерти перепугались.

Я сказал:

— Мы не помогли, а, наоборот, навредили Михкелю Пяртсу! Если раньше тяга в трубе была плохая, то теперь ее и вовсе не будет.

Но Кийлике сказал, что нет худа без добра. Теперь старику Микхелю уже не надо будет бегать с дымарем, когда его пчелы станут роиться. Затопит печь и откроет в доме окна, вот и вся работа.

Шутки шутками, но настроение наше от этого не становилось лучше. Мы с Кийлике прекрасно понимали: труба — это тебе не дымарь для пчел!

Если говорить честно, как оно было на самом деле, у нас на душе кошки скребли. И мы с Кийлике ломали голову, что бы такое придумать и зло обратить в добро.

Старинная народная пословица учит: где беда велика, там помощь близка. И это чистая правда.

Через два дня после истории с трубой в наш класс залетела пчела.

Виктор Каур пчелу поймал и хотел посадить в пустой спичечный коробок, чтобы потом выпустить ее на свободу в какой-нибудь самый подходящий момент, например, на торжественном школьном собрании.

Учитель природоведения Пюкк как раз в это время записывал нам в дневники двойки, но он все равно заметил, как Виктор Каур поймал пчелу. Учитель велел выпустить ее в открытое окно. После этого учитель Пюкк стал рассказывать нам о пчелах.

Мы слушали, затаив дыхание, потому что рассказ его был очень интересным и еще потому, что не хотели мешать учителю, — чем больше времени уходило на пчел, тем меньше оставалось на вызовы к доске.

Вот тут-то мы и узнали, что пчелы очень умные. У них даже есть разделение труда. Одни дежурят возле летка улья и отгоняют чужаков. Другие служат цистернами и приносят в улей воду в своих зобиках. Третьи заменяют вентиляторы: гонят крыльями воздух между сотами. Четвертые собирают с цветов пыльцу и нектар и перетаскивают в улей. А если какая-нибудь из пчел найдет много цветов, она летит к улью и начинает там вовсю танцевать. Так языком танца пчела рассказывает другим, что это за цветы, где они растут, много ли их и каков на вкус их нектар.

Учитель Пюкк рассказывал нам о пчелах весь урок.

Когда началась переменка, девочки пошли в коридор поразмяться, а мальчики остались в классе и решили еще раз проработать все, что рассказал учитель Пюкк, — и наглядно, чтобы лучше запомнить.

А чтобы никто не помешал этому, ученики Топп и Каур сделались дежурными пчелами и стояли возле дверей с канцелярскими кнопками в

руке.

Четверо или пятеро мальчиков вентилировали воздух. Некоторые просто так жужжали.

А ученик Тээмуск был пчелой-цистерной, он бегал в коридор, набирал в рот воды из-под крана и приносил в класс. Охотников пить эту воду не находилось, и Тээмуск выфыркивал ее просто так куда попало.

Переменка пролетела как один миг.

Когда в класс вошла учительница английского языка, Кийлике вместо того, чтобы стоять возле своей парты, все еще прыгал на одной ноге вокруг преподавательского стола и размахивал руками.Учительнице такое поведение Кийлике не понравилось.

— Что это значит? — спросила она у него. — Отвечай! Что за танец ты тут исполняешь?

Кийлике никак не мог отдышаться после прыжков, — ведь человек не такой выносливый, как пчела. Я решил выручить своего друга и ответил за него:

— Кийлике языком танца рассказывает о том, что у Виктора Каура в ящике стола лежат два бутерброда. Один из них — с колбасой по два рубля двадцать копеек за килограмм.

Теперь я снова немножко пропущу и продолжу рассказ с того момента, когда Кийлике уже стоял в коридоре под часами, а я рядом с ним.

Учительница английского языка не знала пчелиных повадок и решила, будто мы над нею издеваемся.

А у нас ничего такого и в мыслях не было!

В коридоре стояла мертвая тишина. У нас в стенгазете писали, что такая тишина помогает умственной работе. И это чистая правда.

Мы постояли в этой тишине совсем немного, а Кийлике уже хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Теперь я знаю, как искупить нашу вину перед стариком Михкелем, которому мы трубу засорили! Давай дрессировать его пчел, научим их летать за медом к тебе в сад.

Возле моего дома полным-полно яблонь, и все они в цвету. Для пчел старика Михкеля мне яблоневой пыльцы ничуточки не жалко, и я согласился.

— Ну что же, давай. Только ты помнишь, что сказал учитель Пюкк? Для этого нужно набраться терпения.

Кийлике ответил, что чего-чего, а терпения у него — хоть отбавляй.

— И еще учитель Пюкк говорил, для этого нужен мед, — добавил я.

Мед, по словам Кийлике, был у него, можно сказать, в кармане.

Кийлике говорил правду. После уроков мы пошли в угловой магазин, и мой друг выложил на прилавок девяносто копеек. Ровно столько, сколько стоила маленькая баночка меда.

Теперь у нас было все что надо. Когда мы добрались до моего дома, Кийлике сразу взобрался на яблоню. Он срывал с нее цветки и сбрасывал вниз. А я подбирал их с земли и подвешивал над миской с медом, тем самым, который купил Кийлике. Мед мы как следует перемешали с кипяченой водой.

Работа у нас кипела. Наконец Кийлике решил, что цветов уже хватит, — от их запаха одуреть можно, — и мы поставили миску возле забора старого Михкеля.

А сами пошли в соседний осинничек, выждать, что будет дальше. На досуге мы поговорили о пчелином житье-бытье.

Кийлике сказал:

— Интересно, где до сих пор собирали мед пчелы старика Михкеля? У него ведь яблонь нет.

Когда мы несли миску, глаза мои не дремали. Я ответил Юхану Кийлике со знанием дела:

— Они обрабатывают одуванчики. Одуванчиков у Михкеля тьма.

— Ну и дрянь же, наверное, одуванчиковый мед, — предположил Кийлике. — Как ты думаешь?

Я думал то же самое. Каждому известно: одуванчик — растение горькое.

— Теперь пчелы старика Михкеля отведают меду из нашей миски, запомнят запах подвешенных над нею яблоневых цветов и мигом забросят свои одуванчики.

Правда ведь, как ты думаешь? Начнут рыскать по сторонам, чтобы разведать, где еще благоухают яблони.

Я думал точно так же.

— На всякий случай я пойду, погляжу, как у них идет дело, — сказал Кийлике.

Через некоторое время Кийлике вернулся, облизнул губы и сказал, что дело на мази. На краю миски сидят уже семь пчел.

Любопытство стало разбирать и меня, я тоже сходил взглянуть на миску. Потом опять пошел Кийлике. Потом опять я. Через некоторое время мы перенесли миску ближе к моему дому, чтобы пчелы поняли, в какую сторону надо лететь.

Пчел собиралось все больше. Это значило; что нас ждет удача. Меня и Кийлике распирало от гордости. Я сказал:

— Теперь мы не только тимуровцы, а еще и ученые-испытатели… -… которые не ждут милостей от природы, — добавил Кийлике.

Я сказал:

— Ради такого дела и я тоже не пожалел бы девяноста копеек.

Кийлике уверил меня, что он никогда в этом не сомневался. Потому-то он и рискнул продать Виктору Кауру мою шариковую ручку.

Когда я это услышал, у меня, само собою понятно, испортилось настроение.

Моя шариковая ручка была еще совсем новая, только не писала. И я сказал возмущенно:

— Я больше не хочу быть в паре с тобою! Яблони — мой вклад, мед — тоже, что же вложил ты? Но Кийлике не растерялся:

— Я вложил идеи, — ответил он. — А идеи гораздо дороже всего остального. — И Кийлике сказал, что хватит спорить, надо пойти посмотреть, не пора ли закончить дрессировку.

Над миской кружила уже целая туча пчел. Кийлике к ним приблизился, но едва он открыл рот, собираясь что-то сказать, как туда мигом залетели две пчелы.

Это показалось мне подозрительным. Я сказал:

— Так ты еще и мед лизал втихаря! С чего бы иначе пчелам к тебе в рот лезть? Теперь делай «пых-пых!» и шагай к моему саду. Пчелы полетят следом за тобою, как на веревочке. — Я посмеялся над горем моего друга и поступил очень неосмотрительно: именно в этот момент одна пчела изловчилась залететь в рот и ко мне.

Беда входит в дверь без стука — совершенно правильно учит нас народная пословица, и мне приходится повторять это здесь уже во второй раз. Мы с Кийлике больше не раскрывали рта, но воздух все равно выходил из нас через нос.

Скоро у меня и в носу сидело пчелиное жало, а в носу Кийлике — два, и это яснее ясного говорило о том, кто из нас съел больше меда. Мы поняли, что наше единственное спасение — яблоневый сад возле моего дома, ведь яблони сильнее пахнут медом, чем мы с Кийлике, и пчелы оставят нас в покое.

Терпенье и труд все перетрут — говорит народная пословица, и это чистая правда. На следующий день, когда мы с Кийлике отправились в школу на спортивные соревнования, на наших яблонях было черно от пчел. А когда мы шли мимо сада старого Михкеля, старик был возле своих ульев — они стоят у самого забора — и радостно восклицал:

— Ишь молодцы, таскают! Где только они такое славное местечко для

взятка отыскали?!

— Так ведь это мы… — заикнулись было мы с Кийлике, но сразу прикрыли рты.

К нам с жужжанием летели две пчелы, выставив вперед усики, словно антенны для улавливания запахов.

Настоящий тимуровец не хвастается своими делами!

ПОЧЕМУ МНЕ ПРИШЛОСЬ ВЗЯТЬ МЕТАЛЛОЛОМ, СОБРАННЫЙ ОКТЯБРЯТАМИ

(Объяснительная записка Агу Сихвки классной руководительнице)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с первых дней последней четверти или, точнее, с торжественного собрания, на котором товарищ директор произнес речь. Он тогда сказал:

— Как всем известно, процент нашей успеваемости в третьей четверти был девяносто шесть с половиной процента, это самый высокий процент в районе и равен успеваемости в Каракалпакской автономной республике, но процент пятерок и четверок только тридцать четыре, и это дает лишь шестое место в районе, а к Каракалпакии и близко не подходит. Поэтому нам надо начать последнюю, решающую четверть с лозунгом: «Все тройки на четверки!» И директор велел нам устремиться на поиски неиспользованных резервов.

Затем, едва только мы вернулись обратно в класс, председатель совета отряда Сильви Куллеркупп взяла таблицу оценок и занялась поисками резервов. И, как можно было предположить заранее, она вскоре выяснила, что у меня, Кийлике и Топпа по рисованию, пению, математике, а также по русскому и английскому — тройки, а у Топпа и по всем остальным предметам тоже.

Как говорит учитель истории товарищ Пюгал, сознание начинается там, где познаешь неизбежность. Я еще не чувствовал неизбежности, поэтому придирки Куллеркупп вызвали у меня противодействие.

Я сказал:

— Чего ты к нам прицепилась! Если кто и должен взять себя в руки, так это Обукакк! У него в табеле три двойки!

Но на сей раз Куллеркупп не желала и слышать про Обукакка.

— Двойки Обукакка теперь не в счет, — сказала Куллеркупп. — Разве же вы не слышали, что по проценту успеваемости наша школа первая в районе и с Каракалпакией наравне. Сейчас наша задача налечь на тройки.

Долго делано — красиво, быстро сделано — тяп-ляп. В этом мы убеждались на уроке по труду всякий раз, когда делали черенки половых щеток. Поэтому мы не могли одобрить торопливость Сильви Куллеркупп.

Я сказал:

— Разве эти тройки так сразу исправишь? Ни один учитель не пишет тройки на черточке дроби, чтобы потом могли снова ответить и получить отметку получше.

Кийлике сказал:

— И я про то же, и даже больше. Исправление троек — не пустяк. А Топп:

— Надо и о будущем думать тоже. Если я теперь исправлю все тройки на четверки, что же будет в следующей четверти, когда потребуется новое повышение процента успеваемости?

И Топп рассказал нам, как на заводе сельхозинвентаря, где работает его отец, всегда делают так, создавая новую модель, чтобы в дальнейшем можно было облегчить ее вес и, как предусмотрено, добиться экономии сырья и получить премию за рационализацию.

Речь Топпа заставила Куллеркупп засомневаться.

— Никто не требовал, чтобы ты исправил все тройки на четверки, — взяла Куллеркупп обратно свои слова. — Начнем с того, что легче всего!

И она дала Топпу, мне и Кийлике пионерское задание: приступить в первую очередь к исправлению оценок по рисованию. А Кауру дала пионерское задание помогать нам.

После уроков, когда мы шли в интернат, я сказал Кауру:

— Прими мои соболезнования. Наша Куллеркуппиха ошиблась в выборе. Что касается меня, то мне труднее всего повысить оценку именно по рисованию, Топп сказал:

— Присоединяюсь к точке зрения предыдущего оратора. Когда я пробовал нарисовать кошку, а это было несколько раз, все принимали ее за верблюда.

А Кийлике:

— И я про то же, и даже больше. Я в рисований до того бездарный, что меня должны освободить от этого предмета.

И он высказал мнение, что, очевидно, в раннем детстве отоспал себе руку.

Но наши признания не вызвали у Каура паники.

— Как я читал, — сказал Каур, — талант не так уж важен. Таланта должен быть один процент, и столько-то у вас на троих наберется. А что касается работы, от которой зависит больше, то тут я помогу.

После этого у нас начало повышаться настроение, потому что заботиться о таланте больше не требовалось, а по части труда Каур, как я уже написал, обещал прийти нам на помощь.

Я сказал:

— Кто сил своих не пожалеет, любую гору одолеет. Если Каур протянет мне свою руку помощи, моя тройка действительно может превратиться в четверку, Топп сказал:

— Если Каур мне протянет свою руку помощи, осмелюсь пообещать то же самое.

Но Кийлике засомневался:

— Как это во время урока он будет протягивать нам руку? Топп сидит на задней парте, мы с Сихвкой — посреди класса, а сам Каур совсем под носом у учительницы.

Теперь и мы поняли, что протягивание руки помощи во время урока может оказаться затруднительным. И стали обсуждать, что же делать.

Я сказал:

— Как вообще известно и помнится еще с третьего класса, учительница товарищ Пихлак приносит в класс для рисования или свеклу и брюкву, или же самовар и старинный медный кофейник. Если Каур заранее сделает рисунки, чтобы мы во время урока могли бы с них срисовывать, это может здорово помочь получению четверок.

Топп был согласен со мной. Внес только маленькое уточнение.

— Рисунки брюквы и свеклы больше не нужны. Выращенная в школьном саду свекла и брюква, вся до последней, слопана. Об этом свидетельствует тот факт, что в интернате уже две недели к гуляшу и котлетам дают только макароны.

Теперь я и рассказал честно все, как было. И что товарищ директор сказал:

«Ищите резервы», а председатель совета отряда Куллеркупп сказала: «Догоним Каракалпакию!» Если тебе навязывают помощника, то надо на него надеяться, что мы и делали. Но затем, когда Каур в шефском порядке стал рисовать для нас по памяти самовары и кастрюли, пришел Тимохвкин и вмешался.

— Нет, нет, нет, — сказал Тимохвкин, поглядев на рисунки. — Так не пойдет.

Ваш товар получается сейчас таким одинаковым, как яйца в курином гнезде. И за двадцать шагов видно, что в манере Каура. Если вы хотите получить по рисованию отметки получше, то у каждого должна быть своя манера.

Точка зрения Тимохвкина заставила нас задуматься. И мы принялись обсуждать, какая манера должна быть у каждого из нас, чтобы отличалась от манеры Каура и чтобы у товарищ Пихлак, учительницы рисования, даже не возникла мысль, будто нам, пожалуй, оказана слишком большая помощь.

Кийлике сказал:

— Я как парнишка веселый выберу себе карикатурную манеру.

Топп сказал:

— Если я изберу манеру нового модного искусства, то тогда не нужно, чтобы другие понимали, что я нарисовал.

А Каур поблагодарил обоих, схватил чистую бумагу и пообещал учесть это в шефской работе.

Такой индивидуализм и забота только о себе рассердили меня. Я сказал:

— Хорошенькое дело. Один выберет, другой изберет. Может, я еще раньше, чем Топп, вынашивал идею о модной манере, не говоря уже о карикатурной манере, а теперь мне ничего не останется!

Но Тимохвкин утешил:

— Модной манеры хватит на многих.

И он спросил, неужели я не читал, как в наши дни начали создавать картины даже из семян сорняков, рыбьих чешуек, метелочек сена и стебельков травы.

Слова Тимохвкина меня изумили. Я сказал:

— Не стоит считать других совсем глупыми. Конечно, я читал в газете, как один не то чех, не то словак выклеивает из стебельков лесные пейзажи, а из рыбьих чешуек речные или озерные пейзажи. Но что тут общего с кофейником?

Тимохвкин пояснил:

— Общее то, что ты можешь использовать этот же метод. Только вместо чешуек и стебельков будешь наклеивать кофейные зерна.

Тогда я окончательно понял, что имел в виду Тимохвкин, и перестал обиженно думать, будто другие захватили себе лучшие манеры.

Я сказал;

— Предложение одобряется. У тебя, Тимохвкин, голова варит. Как всегда говорит учительница товарищ Пихлак, признак хорошей картины — выразительность. У моего кофейника в этом смысле недостатка не будет. В придачу ко всему, она еще будет пахнуть.

Но Тимохвкин предупредил:

— Только в том случае, если будешь пользоваться полноценным сырьем, точнее говоря, сортом «Арабика». Другие сорта, которые привозят из Бразилии, в долгой дороге так выдыхаются, что, как говорит моя мать,

пахнут кофе не больше, чем дубовые желуди.

Теперь я пропущу, что я взял кофейные зерна без спросу взаймы у интернатской тетеньки-поварихи, потому что ее как раз не было в кухне.

Целые кофейные зерна трудно было приклеивать к картону — они все время отваливались. Но не боится трудностей пионер, и я тоже. Пришлось каждое зерно разрезать пополам. Назавтра картина с кофейником была у меня уже почти готова, что может подтвердить весь класс, потому что все подходили понюхать. Но когда должен был начаться урок рисования и другие приготовили свои блокноты и карандаши, а я клей, выяснилось, что учительница рисования товарищ Пихлак заболела. Вместо нее в класс пришла учительница русского языка товарищ Смородина, которая, конечно же, не знала, как развивает чувство формы изображение кофейника, и поэтому сказала:

— Чтобы получше использовать время, будем сейчас склонять слово «жук» и спрягать глагол «жужжать». Так мы убьем двух зайцев, потому что ведь буквы "ж" в эстонском алфавите нет. А чтобы урок рисования не пропал совсем и отметок не осталось мало, нарисуйте дома картинку на свободную тему.

И она велела нам нарисовать на свободную тему весенние полевые работы или молодого тракториста.

Теперь я и подошел к тому, с чего по-настоящему следовало бы начать. «То, что можно сделать сегодня, не откладывай на завтра» — так написано над доской в учебной комнате интерната, поэтому, как только уроки окончились, Кийлике и Топп взялись рисовать молодого тракториста.

Кийлике сказал:

— Поскольку у меня карикатурная манера, Каур, помогая, должен не упускать из виду, чтобы у тракториста были большие уши, или еще лучше — большой нос.

Топп сказал:

— А мне помощь в этом деле вовсе не требуется. У модной манеры то преимущество, что вообще не надо рисовать человеку ни ушей, ни носа.

И они оба радостно рассмеялись, отчего мое и без того грустное настроение сделалось еще грустнее и вынудило меня искать уединения.

Но когда я предавался грустным раздумьям, сидя возле поленницы во дворе интерната, мой взгляд упал на старый школьный гараж. В первый бокс гаража первоклассники натаскали кучу разных железяк, во втором боксе был свален железный хлам, который насобирали второклассники, а в третьем — тот металлолом, который насобирали все остальные классы. Тут-то у меня и возникла мысль, что если, изображая кофейник, можно

повысить выразительность, использовав кофейные зерна, то, изображая тракториста, следует использовать для этой цели шплинты, болты, гайки, шайбы.

Всевозможные детали машин тоже годятся. Только придется взять какую-нибудь широкую доску или даже дверное полотно, потому что на картон железки не прикрепишь.

Вот я и рассказал честно, почему из кучи металлолома, собранного октябрятами, я взял цепь сцепления «Виллиса», четыре шатуна от поршней, колпак автомобильного бензинового насоса и еще шестеренки, шплинты, шайбы и гайки. «Сделайте портрет молодого тракториста», — велела учительница товарищ Смородина, я и сделал: «Больше выразительности!» — всегда говорили на уроках рисования, и я это имел в виду, выкладывая из цепи сцепления голову тракториста. Шплинты изображали волосы, шайбы и гайки — глаза, шестеренка — рот, а шатуны — руки и ноги.

Но через три дня, когда работа была готова и мы с Кийлике, взяв тачку, повезли портрет для оценки в класс, нам встретилась по дороге в школу учительница первоклассников товарищ Хиндрикус, и даже слушать не захотела, что искусство требует выразительности, а только обвинила нас в расхищении металлолома, собранного октябрятами, велела поворачивать и везти моего тракториста в гараж, в бокс номер один.

Теперь я и в самом деле все-все честно рассказал, как было, и объяснил, что не было ни дурного намерения, ни преступного расхищения. «Наляжем на тройки по рисованию», — велела председатель совета отряда Куллеркупп, и я налег;

«Догоним Каракалпакию!» — призвал товарищ директор к совести всех, и я пытался догнать, повышая выразительность изображения тракториста всеми средствами. Кое-что я взял из кучи металлолома первоклассников, потому что в других кучах ничего толкового не было, кроме обрезков труб и секций отопительных батарей.

Старшему брату моего одноклассника Александру Калкуну моя работа очень понравилась. Он работает экскаваторщиком и должен разбираться в таких вещах. Когда я показал ему свой портрет молодого тракториста через щель в стене, потому что на двери гаража теперь висит амбарный замок, брат Калкуна сказал:

— Такая картина была бы на почетном месте в любой мастерской. — И добавил:

— Если в ходе ремонтных работ вдруг понадобились бы шплинты или гайки семнадцатого номера, при наличии такого портрета не пришлось бы

искать их по ящикам, а можно было бы выдрать прямо из портрета.

СПОРТ И КОЛЛЕКТИВИЗМ

(Классное сочинение Агу Сихвки на тему, заданную инспектором)

План сочинения:

1. Вступление.
2. Коллективизм помогает достичь высоких спортивных результатов.
3. Происшествие в Капаской начальной школе.
4. Влияние спорта на коллектив нашего класса.

5. Выводы и заключение.

Уже в очень древние времена люди знали, что занятия спортом воспитывают чувство коллективизма. Это видно из того, что когда в далеком прошлом происходили Олимпийские игры, никто не имел права обнажать меч, можно было только дружно и коллективно соревноваться. Женщин не допускали на эти соревнования вообще, что в смысле сохранения коллектива вполне, конечно, понятно.

Коллективизм помогает достичь высоких спортивных результатов, говорит наш преподаватель физкультуры товарищ Пауксаар, и это действительно так. Когда мы — я, Кийлике, Каур и Калкун еще учились в младших классах (это было в Капаской начальной школе), там были похожие друг на друга как две капли воды близнецы Мярт и Пеэтер Лакс. И однажды, когда в школе проводился бег на дистанцию пятьсот метров вокруг парка, Мярт Лакс притаился под елью, а Пеэтер Лакс вышел на старт и начал бег с такой страшной скоростью, что преподаватель, товарищ Харкъялг, сказал:

— Его хватит только на полдистанции.

Так оно и случилось. Но это было не страшно, потому что Пеэтер Лакс настолько оторвался от остальных, что никто и не заметил, когда он спрятался под елку, а Мярт Лакс выскочил оттуда и побежал дальше.

Теперь в Капаской начальной школе рекорд в беге на пятьсот метров выше, чем в какой-нибудь даже средней школе. Но добиться этого без коллективизма, конечно, было бы невозможно.

Сила спорта столь велика, что может оказать действие даже там, где поучения классной руководительницы не дают результатов. Так случилось в нашем классе осенью прошлого года, когда было объявлено соревнование по бегу между классами, а у нас как раз девчонки были в ссоре с мальчиками.

Тогда Кийлике сказал:

— Ради спорта и во имя победы заключим перемирие. Сейчас только коллективизм может помочь нам обогнать в беге шестой "а".

И все как один сделались коллективистами и на большой перемене переставили свой компот на стол класса "а", чтобы наши соперники наелись до отвала и не смогли бегать.

Человек предполагает, бог располагает, говорит бабушка Кийлике, и это верно, хотя бога не существует.

Если бы преподаватель физкультуры провел бег сразу же после большой перемены, как было запланировано, мы бы непременно, благодаря коллективизму, опередили шестой "а", но соревнование было отложено.

Я написал, что спорт — великий воспитатель коллективизма, и привел тому примеры. Какой вид спорта больше всего воспитывает коллективизм — сказать трудно. Я лично думаю, что это лыжи, потому что на лыжных соревнованиях частенько более слабых лыжников тащат за собой на буксире и так приводят к финишу, если это командные состязания, как, например, Кейлаский марафон. Но Кийлике утверждает, что в смысле воспитания коллективизма еще лучше зимнее плавание, потому что «моржи» всегда держатся вместе — сначала в проруби, потом в больничной палате.

Поскольку был звонок, я уже не успеваю написать заключение.

КАК Я ПОЛУЧИЛ ДВОЙКУ ПО ПРИРОДОВЕДЕНИЮ

(Домашнее сочинение пионера Агу Сихвка на заданную тему)

ПЛАН СОЧИНЕНИЯ

1. Дружба с Юханом Кийлике.
2. Приятель с приятеля сдирает шкуру.
3. Случай с моим одеялом.
4. Кийлике бежит среди ночи в школу.
5. Каменным углем нельзя топить железную печь.
6. Заключительное слово.

Если рассказывать все, как оно было, по порядку, я должен начать с прошлой осени. В первый же день учебы, когда наш любимый шестой класс был уже весь в сборе, ко мне подошел Юхан Кийлике и сказал:

— Послушай, Агу, давай дружить, сядем в этом году за одну парту.

В пятом классе я дружил с Сулевом Калкуном. Но летом Сулев взял у меня на время велосипедный насос со шлангом, а вернул без шланга. Мы с ним поссорились, и наша дружба кончилась. Я ничего не имел против нового друга и ответил:

— Ну что же, Юхан, давай. Я согласен.

Теперь я должен рассказать о дне своего рождения, который был седьмого октября. Отец подарил мне десять рублей и разрешил купить на них, что я захочу. Я собирался купить себе волейбольный мяч и сетку, но мой новый друг Юхан Кийлике пошел со мною в магазин и уговорил меня приобрести снасти для ловли рыбы. И я купил за три рубля спиннинг, потом еще катушку для спиннинга вместе с леской — это тоже стоило три рубля. И еще две дорожки, за них я заплатил пятьдесят копеек. Кийлике тоже купил себе спиннинговую катушку, он занял у меня для этого два рубля пятьдесят копеек Юхан Кийлике обещал вернуть долг, когда день рождения будет у него самого. Как только мы вышли из магазина, Кийлике предложил не откладывать дела в долгий ящик, а попытать счастья на рыбалке немедленно. Мы сказали себе «ни пуха ни пера!» и отправились к

реке Арту.

На берегу Кийлике смастерил себе спиннинг из орешины и нескольких кусочков проволоки. Потом сказал:

— Чего это мы просто так дурака валяем. Давай соревноваться, кто больше рыбы поймает.

Он решил пройти немного вверх по течению реки. А мне пришлось остаться на Сомбуской излучине, потому что после первого же заброса блесны леска у меня запуталась, и я никак не мог намотать ее обратно на катушку.

Через некоторое время я услышал громкий возглас Кийлике. Мой друг сообщил, что у него на крючке добыча. Юхан вытянул из воды большую рыбину. Это была щука.

Я сразу пошел на то место, где стоял Кийлике, чтобы покидать там блесну, а Кийлике вернулся на Сомбускую излучину, где прежде ловил я. Через некоторое время он снова крикнул:

— Что-то есть!

И он вытянул еще одну щуку, точь-в-точь такую же, как первая.

Минут через десять блесну Кийлике схватила третья рыбина. Но когда он тянул ее к берегу, она застряла в камышах и сорвалась с крючка.

Настроение у Кийлике сразу испортилось, и он заторопился домой. Мы стали собираться, но не успели еще смотать удочки, как Юхана Кийлике окликнул старик, который удил неподалеку:

— Эй, мальчик! Давай, неси рыбу назад! Долго ты ее показывать будешь? — И старик быстро зашагал в нашу сторону.

Я понял, что Кийлике вытаскивал из воды все время одну и ту же щуку. Он попросил ее у старика на время, будто бы для того, чтобы показать мне. А теперь эта щука — на дне реки. Я боялся, что старик раскричится. Но старик кричать на нас не стал. Оказывается, он получил от Кийлике в залог рубль.

Рубль этот, разумеется, был мой. Последний рубль из тех десяти, которые отец подарил мне на день рождения. Всю дорогу домой во мне так и кипела злость на Кийлике. Я сказал:

— Теперь мне ясно, как приятель с приятеля шкуру сдирает.

— Из-за этого еще не стоит злиться, — ответил Кийлике. Я возмутился:

— Как это не стоит, если все, что ты говоришь, сплошной обман?

Кийлике возразил:

— Никакой это не обман. Это — розыгрыш. Настоящие друзья всегда друг друга разыгрывают.

Но потом Кийлике сказал, что так и быть, пусть будет, как я хочу, он не

станет больше подшучивать надо мною. Пускай у нас будет дружба без розыгрыша. И я перестал на него сердиться.

Но своего слова Кийлике не сдержал. Это выяснилось, как только мы поселились на зиму в интернате. Всем известно, что жилые комнаты учеников в то время находились еще в старом здании, отдельно от нового школьного корпуса, который выстроили на другом конце поселка. Так вот, Кийлике среди ночи поднялся с постели, зацепил крючком блесны угол моего одеяла, снова лег и начал крутить катушку спиннинга. Я натяну на себя одеяло, только успею задремать, а оно снова сползает на пол. И так раз десять подряд.

Это был уже второй розыгрыш, который устроил мне Кийлике. И я не мог этого так оставить. Надо было что-нибудь выдумать и расквитаться с другом.

Вначале я хотел потихоньку среди ночи зашить рукава куртки и штанины брюк Юхана Кийлике. Но нитка оказалась очень толстая и не пролезала в иголку — это может подтвердить Виктор Каур. Тогда я разработал другой план: сунуть в ботинок Кийлике дохлого мышонка. Но этот план тоже оказался неудачным.

Мышонка взять было негде.

Как всем известно, по внутреннему распорядку нашего интерната ученики ложатся спать в половине одиннадцатого вечера, а в одиннадцать в интернате уже должен царить ночной покой. Однажды, когда Юхан Кийлике захрапел, — а это значило, что он как следует заснул, — мы, все остальные ребята из нашей комнаты, поднялись с кроватей, заправили постели и оделись. Мы поставили наши комнатные часы и те часы, которые висят в интернатском коридоре, на три четверти восьмого. После этого все взяли под мышки свои ранцы с книгами, а я растолкал Кийлике и закричал:

— Ай-ай-ай! Ты что, оглох, что ли? Воспитатель Лепинг уже давно приходил нас будить.

И мы все выбежали за дверь, как бывает по утрам, когда надо спешить в школу, чтобы не опоздать. В коридоре мы спрятались в одно маленькое помещение — называть его я не буду — и стали смотреть в щелку дверей. Через две-три минуты из нашей комнаты с быстротой пушечного ядра вылетел Кийлике — шарф волочится по полу, ботинки не зашнурованы — и кинулся на улицу.

Мы быстренько перевели стрелки часов на правильное время, разделись, погасили свет и юркнули в свои постели.

Я сказал:

— Интересно, досвистит Кийлике до самой школы или по дороге

раскумекает, в чем дело, и пробежит только половину поселка.

Топп сказал:

— Ясное дело, досвистит. Сейчас ночь от раннего утра не отличишь, одинаково темно. Я возразил:

— Но возле кинотеатра есть часы. Он может на них посмотреть. Каур со мной не согласился.

— Часы возле кино не в счет. Всем известно, что они врут напропалую. — И он был прав, Кийлике вернулся назад не скоро. Он сопел, словно бычок, и в сердцах швырнул свой портфель на пол, но мы ничего не слышали, мы спали глубоким сном.

Может показаться, будто я отклонился от основной темы сочинения, но это не так. Я должен был рассказать обо всем этом, чтобы всем было понятно, почему пятнадцатого мая я стал топить в интернате печь. К этому времени наша дружба с Кийлике оставалась точно такой же, как я уже описал. Другими словами, он старался, где только можно, устроить мне дружеский розыгрыш, и я каждый раз старался не остаться перед ним в долгу. А в мае началась эта жаркая погода, — эта духота, и как-то вечером Юхан Кийлике разохался:

— Ну и дела, даже ночью стоит такая жарища, что спать невозможно!

Вот тут-то я и подумал: а не удружить ли Юхану Кийлике, не протопить ли ему на радость еще и печку? Как только Кийлике заснул, я закрыл окно и развел в печи огонь. Топка у нас со стороны коридора, все ребята из нашей комнаты помогали мне раздувать пламя. Через час на печку уже нельзя было плюнуть, до того она раскалилась. В комнате стало жарко как в бане. Каур сбегал взглянуть на Кийлике и сказал, что из Кийлике уже начинает вытапливаться жир. И это было похоже на правду, если учесть, какой Кийлике толстый.

Вдруг мне вспомнилось, что в кладовке возле комнаты труда лежит каменный уголь. Я притащил целое ведро угля в коридор и накидал совком полную печку.

Через некоторое время я хотел еще добавить топлива. Вот тут-то и выяснилось, что сильный жар расплавил внутреннюю дверцу печки и, значит, испортил школьное имущество, а школьное имущество — наше общее достояние.

На другой день эту историю знала уже вся школа, и все покатывались со смеху. Но не зря народная пословица предупреждает: где веселье через край, там беды ожидай. Так оно и получилось, правда, не со всеми, а со мною одним. Как только начался урок природоведения, учитель Пюкк вызвал меня к доске и с добродушным видом сказал, что сейчас мы станем

повторять пройденное И он спросил:

— Из чего делаются дверцы печек?

— Из чугуна, — Ответил я. Учитель Пюкк сразу стал серьезнее и задал новый вопрос:

— А при какой температуре чугун начинает плавиться?

Я не мог вспомнить, но зато это вспомнил Юхан Кийлике и начертил пальцем в воздухе цифру «1100».

— При тысяче ста градусах, — ответил я.

— Ага! — воскликнул учитель Пюкк. — Так ты, стало быть, это знаешь!

Ответь-ка мне еще на один вопрос:какова наивысшая температура пламени при горении каменного угля?

Этот вопрос был еще труднее, и я надолго задумался. Но Юхан Кийлике нарисовал в воздухе цифру «2000», а Виктор Каур шепнул мне, что это зависит от притока кислорода. Так я и ответил учителю.

Тут-то учитель Пюкк и поставил мне двойку. И добавил, что было бы не грешно даже единицу поставить, потому что в данном случае он оценивает мое умение применять теоретические познания на практике. Вот если бы я не знал температуры плавления чугуна и температуры пламени при горении каменного угля, тогда другое дело, тогда он мог бы просто-напросто сделать мне замечание за забывчивость. Но теперь ему ясно, что замечания недостаточно.

Он готовит нас к жизни в сложном мире, а в этой жизни самое главное — практическое использование знаний.

Выходит, мне поставили двойку неизвестно за что. Ведь никакой температуры я не знал. Я ответил по подсказке Юхана Кийлике. Но Кийлике вышел из воды сухим, а мне теперь придется принести в интернат новую печную дверцу.

Учитель сказал мне напоследок, что сама себя раба бьет, Коль нечисто жнет.

И я закончу сочинение этими словами, потому что это — сущая правда. Никто не заставлял меня заводить дружбу с Юханом Кийлике. Сам завел и теперь сам расплачиваюсь.

А деньги он мне так до сих пор и не вернул.

КАК МЫ УСТРОИЛИ НОЧНУЮ ТРЕВОГУ

(Объяснительная записка Агу Сихвки директору школы)

Чтобы честно рассказать все, как было, я должен начать с того вечера, когда у нас на костре был в гостях писатель. Он спросил:

— Как сделать пионерскую жизнь более интересной? И сам же ответил:

— Каждый должен выступить на борьбу со скукой. Следующим вечером меня и Кийлике назначили дежурными по лагерю, и Кийлике вспомнил слова писателя.

Когда все уже крепко спали, он сказал:

— Скука прямо-таки смертельная. Наш долг — выступить на борьбу со скукой.

И он предложил подбросить в палатку председателя совета отряда Сильви Куллеркупп жабу.

Как всем известно, обязанность ночных дежурных — следить за порядком на лагерной территории. Поэтому я не согласился с таким планом. К тому же неоткуда было взять жабу.

Но Кийлике сказал:

— Тогда придумаем что-нибудь другое. И спросил, что я думаю о небольшой тревоге. Как известно, тревоги устраиваются в каждом пионерском лагере. В таком случае среди ночи поднимают весь лагерь и сообщают о таинственных незнакомцах, которые шпионили возле палаток. Затем следует ловля шпионов, роль которых, как выясняется позже, исполнял кто-нибудь из вожатых.

У нас в лагере тревогу еще не устраивали, и я сказал:

— Над этим стоит подумать. Пионерская жизнь должна быть интересной. А главное, таким образом мы поможем старшему пионервожатому и воспитателям — им будет меньше работы. Только где взять шпиона?

На это Кийлике ответил:

— Шпион не нужен. Что-нибудь придумаем. И он все-таки выдумал план, который заключался в похищении гоночного велосипеда преподавателя физкультуры Пауксаара.

Затем мы пошли к палатке воспитателей и укатили оттуда велосипед, имевший двенадцать передач и на руле специальные зажимы для бутылочек с водой.

Велосипед мы пристроили в лесу на дереве примерно на уровне человеческого роста. С этим пришлось повозиться. Велосипед был спрятан хорошо, и я сказал:

— Тут его ни один черт не найдет. Но Кийлике сказал;

— В том-то и беда.

Он взял за палаткой воспитателей спиннинг Пауксаара и предложил привязать конец лески к звонку велосипеда, чтобы в случае необходимости мы могли звоном немного помочь искателям.

Потом мы стали обсуждать, как поднять тревогу.

— Юку-горнист спит в третьей палатке, — сказал Кийлике. — Пусть подудит в свою трубу,

— Юку потерял мундштук от горна, — напомнил я.

— Тогда, давай, сами просигналим свистком, — предложил Кийлике. — Свисток-то у нас есть.

Но этого мы тоже не сделали, потому что забыли, как свистеть в случае тревоги. Поскольку больше идей у нас не было, Кийлике сказал:

— В конце концов, воспитатели и сами могут позаботиться о том, чтобы поднять тревогу. Достаточно того, что мы все подготовили.

И тогда мы пошли к палатке воспитателей и стали трясти преподавателя физкультуры Пауксаара. Кийлике сказал:

— Тут шныряют какие-то подозрительные типы.

— Ну и пусть шныряют, — сказал Пауксаар и повернулся на другой бок.

— Мы думали, может быть, это шпионы? — сказал Кийлике.

— Весьма возможно, — ответил преподаватель физкультуры и захрапел.

Кийлике стало ясно, что шпионы не произвели на учителя никакого впечатления. Тогда Кийлике быстренько высказал опасение, что эти подозрительные личности могут что-нибудь спереть. А я добавил, что вроде бы слышал велосипедный звонок.

Тут Пауксаар сразу вскочил и бросился из палатки посмотреть, на месте ли его велосипед. Но общую тревогу он все равно поднимать не стал, только разбудил школьную повариху, вожатого Пауля, старшего пионервожатого и учителя Лепика, которые все были страшно сонными, ничего не понимали и изо всех сил хотели только одного — забраться обратно в свои палатки. Поэтому потребовалось довольно много времени,

пока учитель физкультуры сумел растолковать им, что надо идти ловить похитителей велосипеда.

Мы же пока вернулись к костру, и Кийлике сказал:

— Такой прекрасный план провалился. Ну кто же мог подумать, что они станут сами искать. Но позвонить все-таки придется, поди знай, куда они еще забредут.

И мы раза два подергали за леску, в результате чего послышалось: дзинь-дзинь.

Учитель Пауксаар сразу же узнал звонок своего велосипеда и заметно повеселел.

— Слышите, далеко они не ушли. Темной ночью в лесу велосипед только помеха.

И они все побежали прочесывать лес. Только старший пионервожатый не побежал, потому что впотьмах никак не мог найти свои туфли.

А мы с Кийлике сидели у костра, прислушивались, откуда доносятся голоса, и по мере необходимости подергивали леску.

Теперь я рассказал все, как было. Мы вовсе не хотели ничего плохого, а совсем наоборот — мы решили облегчить взрослым нагрузку.

«Ночная тревога — самое запоминающееся событие в жизни пионерского лагеря», — писала эстонская пионерская газета «Сяде». Из этого мы и исходили.

Пионер говорит правду всегда и везде, поэтому я еще должен добавить, что это именно Кийлике дергал за леску, отчего велосипед и свалился с дерева.

[1]

Башня «Кик-ин-де-Кек» — одна из самых мощных крепостных башен в Прибалтике, сооружена на рубеже XV—XVI веков. Название по-нижненемецки означает «смотри в кухню».